

Лицей

ВТОРОЙ
ВЫПУСК 2018

ЛОТТЕ РУС
HOTEL & CONFECTIONERY

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ "ЛИЦЕЙ"
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ

Игорь Савельев
Лицей 2018. Второй выпуск

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Савельев И.

Лицей 2018. Второй выпуск / И. Савельев — «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-110518-1

И снова 6 июня, в день рождения Пушкина, на сцену у памятника Пушкину вышли лауреаты премии “Лицей”. В книгу включены тексты победителей – прозаиков Константина Куприянова, Игоря Савельева, Булата Ханова и поэтов Андрея Фамицкого, Елены Жамбаловой, Софьи Серебряковой.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110518-1

© Савельев И., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Такие взрослые молодые собеседники	7
Еще как посмеют/ся	8
Номинация Проза	13
Первое место	13
Константин Куприянов. Желание исчезнуть	13
Глава первая	13
Глава вторая	17
Глава третья	22
Глава четвертая	26
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Глава седьмая	41
Глава восьмая	47
Глава девятая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лицей 2018. Второй выпуск

Литературная премия “Лицей” имени Александра Пушкина для молодых писателей и поэтов

Наблюдательный совет Премии:

Ким Тэ Хон
У Юн Гын
Ким Хён Тэк
Ким Ён Су
Сергей Степашин
Михаил Швыдкой
Алексей Варламов
Владимир Григорьев
Сергей Филатов
Максим Замшев
Павел Негоица

Состав жюри Премии 2018 года:

Марина Бородицкая
Кристина Гептинг
Владимир Косогов
Юлия Подлубнова
Елена Шубина

Председатель жюри

Лев Данилкин

Издание осуществлено в партнерстве с Литературной премией “Лицей” имени Александра Пушкина для молодых писателей и поэтов и группой компаний “ЛОТТЕ” в России

Генеральный инфопартнер премии “Аргументы и Факты”
Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко
В книге использованы фотографии из личных архивов авторов

Дорогие читатели!

Совсем недавно состоялось второе по счету вручение Литературной премии “Лицей” имени Александра Пушкина для молодых писателей и поэтов. Данная книга – это сборник

произведений лауреатов второго сезона. Для меня большой честью является поддержка такого значимого проекта в истории русской литературы.

В этом году количество поступивших на соискание премии работ значительно возросло. 3069 творческих, ярких, индивидуальных текстов были получены из России, а также из множества стран по всему миру. Я искренне поздравляю победителей и желаю верить в мечту всем тем, кто не смог в этом году завоевать призовые места. Хочу пожелать, чтобы премия “Лицей” помогла осуществить мечты многих молодых писателей и поэтов. Я искренне благодарен председателю Наблюдательного совета Сергею Степашину, специальному представителю Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству Михаилу Швыдкому, Заместителю руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимиру Григорьеву, Чрезвычайному и Полномочному послу Республики Корея У Юн Гыну за вклад в успешное проведение премии, всем членам жюри и Совету экспертов за работу по выбору лучших произведений.

Также хочу поблагодарить средства массовой информации и журналистов за освещение основных этапов, а рабочую группу – за поддержку и помощь в становлении премии “Лицей”.

Прошу вас и впредь оказывать премии “Лицей” внимание, поддержку и любовь.

Генеральный директор АО “ЛОТТЕ РУС”

Ким Тэ Хон

Такие взрослые молодые собеседники

И снова 6 июня, в день рождения Пушкина, на сцену у памятника Пушкину вышли лауреаты премии “Лицей”. Прозаики и поэты. География обширна – от Сан-Диего до Улан-Удэ.

Когда премия вручается первый раз – это надежда, второй – уже свершившийся факт: у нее есть будущее. Тем более что члены жюри – Лев Данилкин, Елена Шубина, Марина Бородинская, Юлия Подлубнова, Владимир Косоков и Кристина Гептинг – отметили удивительную зрелость, “мудрость в молодости” представленных на конкурс рукописей. А также бесстрашие в выборе тем – самых что ни на есть актуальных, острых, тех, что не всегда по зубам сиюминутной журналистике, но ставших ярким художественным высказыванием. Не побоюсь сказать, что именно прозаики-лицеисты-2018 очень талантливо ответили на запрос читателя: пишите о современности, о том, что происходит с нами, здесь и сейчас, мы жаждем диалога, хотим видеть в писателе собеседника.

Вот их имена: Константин Куприянов, Игорь Савельев, Булат Ханов. И поэты – Андрей Фаицкий, Елена Жамбалова, Софья Серебрякова, – чьи стихи поразили членов жюри острыми решениями в сочетании с классической традицией и позволили “заглянуть в будущее”.

Мы надеемся, что авторы – победители премии “Лицей” еще удивят нас. И не только они, но все, кто принял участие в конкурсе, все, кто вошел в длинный и короткий списки.

И, конечно же, наша благодарность спонсору – компании “ЛОТТЕ РУС”.

Итак, до следующих встреч! Мы надеемся, что каждый год, 6 июня, мы будем – уже традиционно – награждать победителей премии “Лицей”. Рядом с Пушкиным, с именем Пушкина.

Заместитель Руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ

Еще как посмеют/ся

Премия “Лицей” зафиксировала приход в литературу нового поколения

“Лицей” вызывает разом уважение и тревогу.

Это большая, сложная, спроектированная искусными инженерами машина, работающая на редком и высокооктановом топливе. Слепому видно, что характеристики этой машины позволяют ей не только на равных участвовать в премиальном чемпионате, но и, в перспективе, влиять на то, как будет выглядеть отечественный литературный “иконостас” в будущем.

Зыбь пробегает по лучезарной картинке в тот момент, когда задаешься вопросом, удастся ли этому проекту преодолеть репутационный шлейф, связанный с “возрастными ограничениями”, – когда всякий читатель, встречая “лицеиста”, вроде как вправе подмигнуть, а то и покровительственно потрепать его по плечу: а, молодой да ранний, значится?

Опыт 2018 года показывает, что название Премии, отсылающее к семантическому полю “ученичество” (юный Пушкин/ выпускники/вся-жизнь-вперед), обманчиво: попавшие в шорт-лист авторы не похожи на абитуриентов-медалистов, переминающихся с ноги на ногу в ожидании визита литературного судии в образе Державина, хотя бы и коллективного. Судя по уровню представленных на конкурс текстов, “лицеисты” вообще не нуждаются в ком-либо, кто удостоверит их писательскую зрелость.

В этом смысле “Лицей” – никакая не “площадка для литературного молодняка” и не “зеленый подлесок отечественной словесности”; впрочем, раз уж речь зашла о лесе, будет кстати вспомнить о том, кто в нем водится, а заодно и этимологию слова “лицей”: от *λύκος* – волк; “лицеем” был храм Аполлона Ликейского – не то волка, не то истребителя волков.

“Лицеисты” 2018 года очень разные, но у них есть и кое-что общее: они не боятся никого и ничего; у них волчий аппетит, сильные ноги и острые зубы, которые они готовы вонзить во все, что движется, стоит или лежит – и не только плохо, но и хорошо. Они явно относятся к окружающей действительности критически – когда со скепсисом, когда с иронией, а когда и с отвращением, – однако самокопание и бесконтактное, через посредничество “истории” и “прошлого”, исследование действительности – это не про них.

Их интересует всякий, без разбора, – страшный, смешной, экзотический – опыт; любые ситуации, где люди начинают вести себя “не по правилам” и иррационально: война, тотальное лицемерие, искусственная маргинализация инакомыслящих.

Любые выглядящие перспективно противоречия в рамках существующей системы ценностей они не “просто” исследуют, но умеют проникнуть в зоны, до которых журналистам и социологам не дотянуться. В этом смысле интересен один персонаж в романе Куприянова “Желание исчезнуть”: профессиональная очеркистка, терпящая фиаско, потому что “просто-журналистика” с такими феноменами, как главный герой романа, не справляется. Чтобы разглядеть самое “сердце тьмы”, нужен писатель, а не журналист/психолог/экономист.

При этом интрига в том, что мы не знаем, что у “лицейских” писателей на уме: своих политических пристрастий они не раскрывают.

Мы лишь видим, что способность “почувать крысу” – и создать на этом базисе яркую драму – не складывается в презентацию альтернативной политической модели; они не предлагают читателю ни свой образ будущего, ни какую-то новую, невиданную идентификацию. В их прозе чувствуется некоторая “подмороженность”, отстраненность от материала; да, кое-какие феномены реальности вызывают неприятие или скепсис, но не более того. Видимо, это означает, что в головах у “лицейской” группы (пока) нет никакой системы, которая могла бы не только объяснять мир, но и радикально изменять его. Это литература “сердитая”, но не “протестная”; она не столько вызывает кровохаркание, сколько способствует пищеварению;

это скорее способ преодолеть инерцию повседневности; род исследования, где наблюдатель, пусть даже работающий в поле и не скрывающийся от объекта за непробиваемым оргстеклом, не готов радикально меняться под воздействием добытого опыта.

Тексты большинства “лицейских”-2018 в целом не слишком выходят за рамки “реалистического метода”. Другое дело, что “реализм” здесь – не столько отсылка к доминировавшей на определенном историческом этапе литературной традиции или к материалистической философии, сколько наиболее эффективный и престижный здесь и сейчас способ работы с материалом, позволяющий фабриковать из букв относительно точные копии действительности, и одновременно – выбранный на разумных основаниях отказ от “дешевых” жанров.

Фантастика, фэнтези или детектив практически не представлены в шорт-листе “Лицея”, видимо, потому что они заведомо “неприбыльны” для писателя: раз уж вы взялись за эту трудоемкую и не слишком перспективную профессию, то имеет смысл становиться не просто профессионалом одной из досуговых индустрий, но жрецом, чье могущество и привилегии основаны на способности анализировать противоречия, а не “развлекать” лучше, чем кино и видеоигры.

При всей очевидной рискованности такого рода аналогии мы можем сравнить реализм “лицеистов” с дорогими часами на запястьях чиновников или бизнесменов – которые, как известно, стремятся носить “Лонжин” или “Юлис Нарден” вовсе не потому, что регулярно пользуются хронографом или особенным образом чувствуют “ауру престижности” того или иного часового бренда. Часто это лишь сигнал для партнеров о том уровне вознаграждения за свои услуги, на который они рассчитывают; род ценника, написанного мелом на подошве туфли. Есть ощущение – сугубо личное, разумеется, – что “лицейские” авторы, которые удивительно не похожи на свои тексты – и в методологическом смысле также скорее хамелеоны, чей выбор в пользу реализма расшифровывается как сигнал о статусных, простирающихся дальше, чем высокое место в списке бестселлеров, претензиях.

Первый приз получил – антивоенный? – роман Константина Куприянова “Желание исчезнуть”. Действие разворачивается в наши дни в южной России, куда сваливается вдруг, как снег на голову, с так и не прекратившейся гибридной украинской войны (пожалуй, формально это альтернативная реальность – в связи с указанием, что основные боестолкновения здесь разворачивались не в Донбассе, а в Одесской области), полевой командир по имени Кузьма. Попытки ветерана интегрироваться в мирную жизнь неудачны: нежелание адаптироваться и преодолеть “военное” сознание делает его поведение травматичным и для его собственной семьи, и для более широкого круга знакомых.

В центре романа – харизматичная личность, одержимая инстинктом саморазрушения, “желанием исчезнуть”; аналог Агирре из одноименного фильма Вернера Херцога и полковника Курца из “Апокалипсиса сегодня”. Это очень яркий герой – только кажущийся одномерным, закостеневшим и легко считываемым, но на самом деле непредсказуемый. “Гнев Божий”, он не оправдывает войну, не объясняет причины войны или возможный сценарий ее дальнейшего развертывания; зато отлично иллюстрирует для обывателя “идею войны”: монстр, от которого не стоит ждать ничего хорошего, даже если формально это ваш монстр.

Автор (про которого, кстати, даже и не скажешь, на чьей он – политически – стороне) не любит своего героя и не демонизирует его; читатель несомненно осознает не только монструозность, но и героический аспект боевой деятельности Кузьмы и то, что за ним стоит некая “своя правда”. Однако “Желание исчезнуть” – роман не про то, что “у каждого своя правда”. Мы видим, что война – не только “продолжение политики”. Именно поэтому невозможно просто “договориться” – и прекратить ее в любой момент; и поэтому все объекты в этом романе – словно на рисунках Кита Хейринга, с сиянием, они будто излучают черную радиацию. Война – цель, через которую в обычный мир проникают существа с другой психикой, “инопланетяне”,

с которыми обычным людям не по пути, но отказаться от этих попутчиков уже нельзя: однажды купленный “билет на войну” подразумевает прохождение точки невозврата.

Особенно удачный персонаж романа – второй, теневой главный герой: снайпер, контактирующий со своей убитой подругой наводчицей Мариной; у него своя, очень нетривиальная история отношений с Кузьмой – и сейчас он то ли оберегает его, то ли хочет убить сам, то ли пытается подтолкнуть его под чужую пулю; надо дочитать до конца, чтобы разрешить эту загадку.

“Желание исчезнуть” написано, выражаясь вульгарно, “никак”: лишенным всякой орнаментальности, стертым от слишком частого использования, полуанонимным литературным стилем; специфически куприяновское свойство этой вещи заключается в другом. В “Желании” есть то, что называется “величие замысла”; оно ощущается здесь так же остро, как стиль в текстах Михаила Шишкина или Ольги Славниковой. Это остроумная дерзкая вещь; остроумная – потому что роман про войну, но самой войны, непосредственно свиста пуль и грохота разрывов, здесь практически нет; дерзкая – в том смысле, что “мирный” литератор (а опыт и травля В. С. Маканина за “Асан” памятны) берется за сочинение романа на крайне болезненную тему – и совершает отважный рейд на “чужую” территорию, на которую у “настоящих” военкоров и писателей калибра Захара Прилепина вроде как монополия. И это тоже поступок в своем роде.

Возможно – у нас нет пока полной информации, – перед нами вообще первая крупная вещь об этой войне.

“Ложь Гамлета” Игоря Савельева – классическая повесть в жанре “герой-нашего-времени”: о нелишнем человечке, услугами которого охотно пользуется левиафан – пусть даже удовольствие быть съеденным заживо вызывает у объекта, неплохо осведомленного о намерениях партнера, гамлетовские сомнения.

Олег – талантливый провинциал. Чтобы интегрироваться в столичную “успешную” жизнь, он работает на желтом квазигосударственном телеканале и снимает заказные полуфейковые репортажи, используемые в кампаниях дискредитации мнимых и подлинных оппозиционеров. Так, сейчас он “исследует” ситуацию вокруг опального театрального режиссера, в чьем “Гамлете” можно разглядеть критику власти; во всяком случае, подобранные “эксперты” готовы объяснить, что “идея спектакля в том, что лучше пришлый Фортинбрас, чем прогнившая собственная власть, и это про НАТО”, что “он ведь делает героем не Гамлета, не кого-то, а само время и само наше тогдашнее общество! Это значит, у нас там прогнило все в королевстве! Это значит, у нас атмосфера тотальной лжи, разложения, двурушничества, низости”.

Разумеется, в какой-то момент профессиональная деятельность героя пересекается с личной сферой: одним из заданий становится расследование гибели его бывшей подруги, которая была замечена в оппозиционной деятельности и перед “самоубийством” якобы записала обращение в поддержку преследуемого режиссера. Остается лишь повесить эту смерть на режиссера-манипулятора; но сначала герою надо решить для себя: было ли это самоубийство или провокация спецслужб.

Вещь И. Савельева – про поколение “хипстеров-коллорационистов”, которые знают, что рекламируемая на каждом столбе свобода (личности, творчества, журналистики) – липовая и что бездеятельного лицемерия достаточно для выживания, но мало для социального успеха. Знание подразумевает согласие на активное, инициативное сотрудничество – и не просто выполнение указаний “полнейших дегродов, прикрытых броней высокой должности”, но еще и угадывание желаний левиафана. Впрочем, никаких писанных правил успеха нет: вы не можете сказать, что бежать впереди паровоза – однозначно верная или, наоборот, тупиковая стратегия: возможно, в такого рода “активном конформизме” и есть своя правда, а возможно, и нет. Во всяком случае, ясно, что счастливее герои от этого не становятся.

Смешнее – да: в “Лжи Гамлета” есть и сатирическая компонента – зарезервированная, однако, не столько для “плохих парней”, которые в конце концов честно выполняют условия своего контракта, сколько для Олега, альтер эго автора. Решенная в пользу “быть” любой ценой, гамлетовская ситуация работает на снижение героя: его сомнения тоже кажутся фейком, и поэтому, пытаясь “подпустить трагизма”, он, пожалуй, выглядит комично, если не сказать – фарсово.

В повести Савельева, снабженной уместной шекспировской литературной “подкладкой”, помимо любопытного для посторонних современного антуража (мы видим изнутри, как устроена машина пропаганды, как работают методы гибридной войны против несогласных), актуальной, в хорошем смысле конъюнктурной проблематики (дело Серебренникова, “Лайф-ньюс”, политическая охота на ведьм), ощущается изрядный уровень мастерства: здесь есть хорошо прописанный и должным образом меняющийся герой, удачная композиция (дважды разыгранный эпизод про “Ленинградка стоит”) и, самое важное, – ритм. По сути, повесть – парадоксальная история прогрессирующего сумасшествия “рационального существа”, всего лишь тщетно стремящегося выстроить свою жизнь на прагматичных началах. Его монолог, несобственно-прямая речь – хроника контакта с инфицирующими его демонами большого города. Согласие на деньги, секс, власть оборачивается горячкой и бессонницей – вместо чаемого покоя и разумного распорядка. История про человека превращается в историю про город-крематорий, сжигающий тела, души и надежды на то, что когда-то можно будет заработать себе на возможность уснуть – и перестать воспринимать “ложное величие правителей, невежество вельмож, всеобщее притворство” и все такое как раздражитель.

Обращает на себя внимание и завоевавшая бронзу “Дистимия” Булата Ханова: бойкая остроумная повесть о том, как сегодняшняя одержимость общественной прозрачностью становится родом тоталитарной идеологии и – скорее комическим, чем трагическим образом – ведет к репрессиям против личности.

Автор описывает почти кафкианский визит главного героя – ведущего психотренингов – в “успешный” севернороссийский – напоминающий не то Норильск, не то Ханты-Мансийск – город, управляемый “прогрессивным” начальством на новый лад. Все здесь должно выглядеть современным и “открытым”, поэтому даже редкое обновление “Инстаграма” квалифицируется как признак хронической депрессии и недостаточно искреннего расположения к окружающим – и дает повод для неадекватно жестких мер. На первый взгляд безделушка, “Дистимия” – злая и острая сатира на общество, которое, получив относительную политическую свободу, по инерции испытывает потребность в руководстве психическом.

Самая “невинная” из трех лауреатских, в комплекте с “Желанием исчезнуть” и “Ложью Гамлета”, “Дистимия” тоже производит впечатление скорее боевого, чем холостого патрона; так улыбающийся своим мыслям Алеша Попович в компании Ильи Муромца и Добрыни Никитича выглядит существом далеко не безобидным; смех смехом, а намерения у него, похоже, самые серьезные.

Особенно следует сказать о разделе поэзии, открытия в котором не менее поразительны.

Простые и рафинированные – экзотическая комбинация – стихи московско-минского поэта Андрея Фаицкого наполнены “поэтическим веществом”, которое очевидно не сдашь ни в какой багаж: самые обычные слова в его исполнении слишком взрывоопасны, слишком токсичны, слишком радиоактивны, слишком легко воспламеняются.

Относительно поэта из Бурятии Елены Жамбаловой, автора сборника “Мороженое для внутреннего ребенка”, жюри сошло на том, что у нее замечательно “шершавый” (копирайт поэта Владимира Косогова) язык и поразительно свежие образы. Пожалуй, ее поэзию, наполненную образами “барачного” детства, можно прописать по ведомству современной крестьянско-пролетарской – подлинно народной, в самом что ни на есть неснобском из возможных виде.

Относительно Софьи Серебряковой, чей очень продуманно составленный сборник “Птицы и жуки” впечатлил жюри шифрописью и изощренной ритмикой, лучше процитировать мнение критика и поэта Юлии Поддубной: “Цикл Серебряковой очевидно выполнен в традициях эклоги, с учетом опыта Николая Заболоцкого. Однако Серебрякова со всеми ее жуками и птицами на самом деле продолжает линию неомодернистской поэзии Елены Шварц с ее усложненной образностью, мифологизмом и тайнописью смыслов. Можно увидеть здесь и влияние поэзии Екатерины Симоновой – осязаемость и конкретность детали, игра с гендером”.

Итог премии – не только смущение членов жюри, которые сполна испытали чувство, которое Ленин называл *embarras de richesses*, затруднение из-за чрезмерного богатства выбора; и не только собственно имена победителей – но еще и пять “НЕТ”, полученных в ответ на несколько важных вопросов.

Правда ли, что эпоха литературоцентризма закончилась и литература в России стала делом сугубо индивидуальным, родом нишевого развлечения? НЕТ. Похоже, наоборот, это последний надежный в мире постправды и фейк-ньюс ключ к осознанию, как все устроено на самом деле. И если прочесть тексты лауреатов, вы в самом деле станете больше понимать о своих соотечественниках – и в конечном счете доверять им, какими бы странными, нелепыми, неприемлемыми, аллергенными они вам ни казались.

Правда ли, что наше общество одержимо историей, апокалиптическими предчувствиями, сексом и политикой? НЕТ.

Что действительно вызывает у людей беспокойство – так это более фундаментальные антагонизмы, чреватые войнами и подавленными внутригражданскими конфликтами.

Правда ли, что эталонный текст сейчас – это “лучшие слова в лучшем порядке”? НЕТ. Ни “одержимость стилем”, ни стремление “ломать канон”, “разрушать языковую норму”, похоже, не занимает писателей “лицейского” поколения. Штурм авторитетов точно не в повестке дня: чего ради сбрасывать Пушкиных с корабля современности, если сама идея совместных литературских круизов кажется глубоко архаичной?

Правда ли, что все сколько-нибудь перспективные авторы в России— всего лишь эпигоны Лимонова? НЕТ. И в этом смысле парадигма нулевых – когда едва ли не все молодые писатели признавались, что более всего обязаны Лимонову, – сменилась; аршинное зеркало нарцисса и костюм супергероя-неудачника больше не кажутся обязательным реквизитом для того, чтобы твоя кровь казалась читателям свежей.

Правда ли, что у людей до 35 лет слишком мало опыта, чтобы стать “настоящими писателями”? НЕТ. Ни о каком “инфантилизме” нет и речи – и раз так, нет ничего удивительного, если какой-то представитель этого поколения начнет с “Желания исчезнуть” или “Лжи Гамлета”, а затем напишет что-нибудь вроде “Героя нашего времени” или “Пиковой дамы”.

И последнее. Каждый, кто прочтет эту книгу, обретет удивительный опыт: вживую столкнется с феноменом, который в коллективном или даже национальном сознании привычно связывается с именем Пушкина, и феномен этот называется “мудрость в молодости”.

Председатель жюри премии “Лицей”

ЛЕВ ДАНИЛКИН

Номинация Проза

Первое место

Константин Куприянов. Желание исчезнуть

Роман

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения с реальностью случайны.

Глава первая

Приказ о комиссовании Кузьму не сильно обрадовал. Как уважаемому на фронте человеку, весть ему принес лично полковник Серов.

– Я же обещал, – сказал он.

Кузьма поерзал на постели.

– Не рад?

– Да как-то... Ладно, – он махнул рукой.

– Дочь повидашь.

– Ага.

Потом Кузьма вспомнил, что повидает и Борьку, своего верного пса, которому уже стукнуло восемь, и это ободрило его. Серов ушел – больше он его никогда не видел.

Медаль за отвагу Кузьма сунул в карман, звезду героя повесил на грудь, а подаренный полковником пистолет Ярыгина поместил в кобуру на поясе. И вот третьего апреля, после *двух* месяцев в госпитале, он вышел. Над одесскими руинами робко просыпалась юная весна, и Кузьма улыбнулся, впервые за много дней. Катером его переправили в Херсон, откуда начался путь домой.

Как герою войны ему выдали билет в купе. Было непривычно ехать как гражданский, на пассажирском скором поезде, и не на запад, навстречу усиливающейся канонаде, а дальше, прочь от взрывов – домой... но Кузьма ехал. Нравилось, что поезд возвращает его медленно, будто вполсилы, делая долгие остановки на полустанках и в обезлюдевших за войну городках.

Когда ему написали, два года назад, что Галина умерла, сердце ухнуло куда-то вниз, побыло там, а потом пошло снова, но больше в нем не отзывалось ничего похожего на любовь. Да, у него еще была дочка Полина, и надо было ехать, но Кузьма знал, что делает это из долга. Он отвык на войне делать что-либо, кроме приказанного, а тут опять надо самим собой управлять, самого себя кормить, одевать, развлекать... От этого болела голова, и Кузьма двое суток пролежал на полке трупом.

На третьи сутки, очнувшись, он захотел посоветоваться с соседями. С ним ехала интеллигентного вида семейная пара: мужичок с козлиной бородкой, в очках, и девушка с крохотной собачкой. Кузьма слез к ним.

– Здравствуйте, – сказал он, растягивая “а”.

Оба уставились на него. Думали, наверное, помер там Кузьма? Не дождутся! Кузьму пуля не взяла, гранаты не взяли, поезд тем паче не приберет.

– Давайте знакомиться! Кузьма!

Он волновался, потому что давно не разговаривал с не тронутыми войной людьми. Говорить, возможно, выходило громче, чем он хотел, и Кузьма изо всех сил улыбался, чтобы не

испугать их. Он протянул огромную коричневую лапу мужчине, затем женщине. Скука по женщине, копившаяся долгих четыре года, дала о себе знать: он уставился на попутчицу безотрывно.

– А я, между прочим, героический человек, – сообщил он. – Вот этой рукой придушил фашистского командира. Одной рукой. Потому как вторая была подбита осколком, – он с небольшим усилием согнул левую руку. – Видишь? До сих пор плохо ходит.

Люди переглянулись и, судя по выражению лиц, молча согласились. Кисти Кузьмы были огромными – вполне верилось, что он мог придушить врага одной правой.

– А другой раз мне засадили пулю прям сюда, – продолжил Кузьма, показывая с улыбкой на голову.

Он сел между мужчиной и женщиной и приобнял обоих, но, конечно, больше ему хотелось приобнять даму. Его ладонь испытала забытое уже прикосновение женского тела – не истощенного войной, осадой или голодом, как было под Одессой, а здоровой, упругой плоти, что ощущалось даже через платье.

Женщина, видимо, почувствовав его похоть, отстранилась и пересела напротив, поэтому он скоро пришел в себя. Мужчина обмяк под его прикосновением, но не шелохнулся, опустил взгляд и грустно слушал.

– Я на него смотрю, и он на меня смотрит. Стреляем оба, а у меня патроны всё, ёк! А у него еще два! Вот и попал. Сюда и сюда.

Кузьма показал место на шее, где пуля пошла по касательной, лишь вспоров кожу, и на нижнюю челюсть, куда вошла вторая и застряла, пробив полголовы, но не дойдя до мозга.

– Шесть хирургов меня смотрело! – Он показал пятерню, потому что вторая рука все еще лежала на плече соседа. – Шесть! – Он загнул палец. – И все развели руками: можно убить, если извлекать. Пусть так помрет. Поэтому я тут приговоренный. Не надо резких движений, не надо нервничать, ударяться. В общем, осторожно себя вести и все такое. Тогда проживу. Но может все равно пройти, чертовка, и прибьет Кузьму. То есть вроде как дали надежду на хорошее, но если начну дергаться, то... – Он с улыбкой развел руками. – Как тебе расклад? Я с тех пор еще год провоевал.

Кузьма посмотрел на женщину и усмехнулся. Она глядела исподлобья, но вместо безразличности теперь с удивлением.

– За тот случай, когда я бросился и голыми руками придавил врага, дали медальку. Сейчас покажу. Ох, сейчас...

Кузьма долго разыскивал медаль, не в силах вспомнить, в каком из карманов везет ее. Собачка занервничала и стала тявкать.

– Тихо ты, тихо, – успокоил ее Кузьма. Он вынул медаль и поднял так, чтобы было всем видно. Собачка и впрямь утихомирилась и с высунутым язычком глядела на происходящее.

– Золотая, как думаешь? – спросил он, ущипнув попутчика. Тот кивнул. – Вот и мне кажется, что золотая. Серов (это полкан наш, вручал мне ее) не ответил че-то на этот вопрос, просто улыбнулся. Ну да черт с ней. Если что, в тяжелую годину продам. А вот геройскую никому не продам. Хотя ладно, когда умру – пусть доча продаст, ежели уж надо. Да, Пол инка моя...

Кузьма спрятал медаль и задумался. До этого мгновения он мало размышлял над тем, что проживет совсем недолго, не выдаст дочь замуж... Кто-то, правда, сказал ему, что надо съездить в Москву и справиться про удаление пули, но он смутно в это верил. И до войны был он в столице лишь раз, а теперь вообще плохо понимал, существует ли она до сих пор. Не поделившись с попутчиками размышлениями, он сразу перешел к вопросу:

– Не слышали, как там в Москве? Серов говорил, там сейчас времена тоже нелегкие, но я вообще не понял, что это значит. Вы не в курсе? Мне бы в больницу к ихним хирургам. Но

я вот думаю, доеду ли. Вот мы едем, уже два дня, а что будет, если я в Москву двину? Это ж сколько ехать? Дня три?

Словно в подтверждение его тревоги, поезд в очередной раз остановился.

– О! Ну ты посмотри!

Кузьма поднялся, открыл окно, высунулся.

– Эй! – Он свистнул стрелочнику, суетившемуся у головного вагона. – Что теперь-то?!

– Пути делают!

– Пожалуйста. Видал? – сев, он ткнул мужчину под ребра локтем, тот скорчился от боли и собственного несчастья. – Все ж разнесли нахрен, понимаешь? Как ехать? Опять будем день стоять. Но, с другой стороны, ради удлинения жизни можно и поехать, и постоять в очередях там... А с третьей стороны, к черту Москву. Там холодно, говорят. А летом, наоборот, жара такая, что ходить невозможно. Все голые ходят, даже девки голые, говорят... Я вот нормальную голую девку не видел уж года три. Укрошки все грязные, голодные были. То ли дело лет двадцать назад: ездил туда в отпуск, целый выводок маленьких Кузь оставил по себе. Вот время было!.. Сейчас вспоминаю – как будто не со мной... – Кузьма засмеялся. – Ох, Галина бы ругалась, если б узнала. Галина – это моя жена, – доверительно пояснил он попутчице. – Только она того, – он вздохнул. – И никто не написал отчего. Что там было у них, спрашивается? Голод? Болезнь? Пуля? Бомба?.. Не отвечают!

Заметив, что спутница дрожит под его взглядом, Кузьма встал и захлопнул окно. Купе успело изрядно проветриться. За голым мертвым полем, посреди которого они стояли, багровел закат.

– Ну, так как? Кто на чего ставит? Что Галинку мою пришибло? Я догадываюсь, стрельнул кто-то. Суки. За меня же укры награду объявляли. Может, и за жену чего давали. Вообще, я слышал, немало диверсантов их отправили туда, а наши, кто в тылу работать должен над безопасностью, отыскать и не могут! Прикиньте! Диверсанты!.. Я такого за версту отличаю теперь. Дебилы! – Он смачно харкнул на пол.

Женщина закрыла лицо руками.

– Ой, я забыл, – Кузьма искренне смутился. – Извиняюсь. Вытру!

Он встал и начал искать тряпку. Подумал вытереть рукавом, но решил, что окончательно испортит впечатление. Чертыхался, суетился, но найти ничего не смог.

– У вас салфеток нет, граждане? – с надеждой спросил он попутчиков.

Те синхронно покачали головами.

– Эх, ладно, схожу в... Скоро приду! – Кузьма вышел.

Опорожнившись, он намотал на руку туалетной бумаги и вернулся в купе. Попутчиков не было. Кузьма растерянно выглянул в коридор.

– Эй, мужики! – крикнул он паре других демобилизованных. – Видали тут парочку? Мужик такой мелкий и барышня... красивая, с собачкой.

– Да не вроде, – ответили ему.

Кузьма залез на свою полку, надеясь дождаться их возвращения. Темнело, он провалился в сон. Проснувшись посреди ночи, понял, что поезд вновь движется. Попутчиков так и не было. Тут до него дошло, что они сбежали, и Кузьма разочарованно вздохнул. Впрочем, он сразу простил их. Гражданские, что с них взять? Спал он хорошо и долго, очнулся лишь следующим вечером.

Железная дорога не шла до родного поселка Кузьмы, который назывался Край, поэтому он высадился на вокзале Новороссийска и оттуда ехал на такси. Водитель попался немногословный. Поначалу Кузьма дремал, но когда проезжали Геленджик, открыл глаза, увидел, что всюду разлито теплое весеннее солнце, и спросил:

– Ты сам откуда?

– Да вот, с Геленджика.

- О, понятно. И как тут? Меня дома четыре года не было.
- Думаешь, поменялось что?
- Ну а как же. Всегда что-то меняется.
- Нет, – после обстоятельных раздумий ответил водитель.
- Хорошо вам. В Одессе всегда что-то меняется, каждый час. Кузьме показалось, что водитель вздрогнул, услышав название.
- А что ты там делал?
- То и делал. Работал.
- Рабо-отал, – протянул таксист. – Военный?
- Как видишь.
- Не вижу. Зачем там еще военные наши? Там разве еще что-то происходит? – Теперь в его голосе звучало подозрение.
- А как же! Вам что, газет не присылают?
- Про это нет. Вроде кончилось все давно. По новостям не передавали уж год как. Или два.

Кузьма растерянно смотрел на него, гадая, шутит или нет. Один раз за оставшийся путь водитель покосился на него с недоверием, но не расспрашивал и остаток пути хмуро избегал разговоров.

Лишь когда они проехали Край и водитель осознал, что дом Кузьмы расположен не в самом поселке, а на приличном удалении (до хутора было десять километров на юг вдоль моря), он снова заговорил, принявшись злобно ругаться на дорогу. Грунтовка со множеством ям и крутых поворотов не давала гнать быстро, поэтому короткий отрезок занимал добрых полчаса.

Оказавшись у родного дома, Кузьма растерялся. Калитка была приоткрыта, заходи – не хочу. Но что-то останавливало его. День выдался жаркий, солнце стояло в зените, припекало голову. Редкий ветерок касался налитых зеленью листьев плюща, увивших остатки забора. Дом был невидим с дороги за ветвями абрикосовых деревьев и лапами сосен. Белесая весенняя испарина, переполненная жужжанием насекомых, сладким цветением, молодым травяным соком, окутывала участок. Когда ветер подул в сторону дома, Борька учуял Кузьму, поднял лай и помчался навстречу. Он чуть не опрокинул хозяина, но тот выдержал, сам упал на колени и заплакал, обнимая огромного нестриженного пса.

– Ну оброс, обро-ос, обормот! Не приглядывает никто, – сказал он. Потом с удивлением понял, что плохо видит. – Чего это?

Кузьма вытер слезы с некоторой тревогой, но, взглянув на руки, убедился, что это не кровь.

– Как ты тут, а?

Борька, здоровая немецкая овчарка, уже излизал всю шею, заросший подбородок, щеки Кузьмы и звонко лаял от счастья.

– Скучал, да, Борька? Я-то боялся, не вспомнишь, гавкать начнешь! Ну-ка, голос, Борька, голос!

Пес изо всех сил залаял. Верхние ноты превращались в визг, что бывало только от великой радости. Кузьма еще раз проверил глаза – сухо. Они не знали слез с тех пор, как похоронил первого боевого товарища, еще в самом начале, когда только прибыл и пробивался в числе подкреплений на помощь ребятам в Херсонском котле... Кузьма вспомнил, сколько еще было смертей после того, первого боя, – они уже мало значили для него. Почти четырехлетняя битва за Одессу, уничтожившая всех друзей и научившая быстро отвыкать от людей, теперь отдалялась по мере того, как он шагал к родному дому.

Узнавался участок легко, но ощущения, что Кузьма на родной земле, пока не было. Он заметил, что появились новые смородиновые кусты в саду, но исчезли некоторые деревья, огород вроде бы уменьшился, но в целом все было неизменно. У огромного тополя, росшего

тут седьмой десяток лет, Кузьма остановился. Было видно, что кто-то пытался срубить дерево или, по крайней мере, для чего-то бил его топором. Хорошо, что у мерзавцев не нашлось пилы. Погладив ствол, Кузьма пошел напрямиком в дом под радостный лай Борьки.

Глава вторая

В доме был бардак, но Кузьма не смутился. Порядок он не особо любил – чувствовал, что без него жизни больше. Но Галина всегда все убирала, расставляла по местам, чистила. Видимо, Полька пошла не в нее.

– Поли-ина! – крикнул он протяжно, Борька залаял вновь. Псу не полагалось заходить в дом, но на этот день Кузьма решил сделать исключение.

Он ввалился в спальню, убрал геройскую звезду и медали в шкатулку жены и рухнул на кровать. Борька встал рядом, виляя хвостом.

– Ну, забирайся уж, пройдоха, давай.

Пес запрыгнул на него и продолжил лизаться.

– Ах ты, обормот! Ах ты! – Кузьма трепал пса за загривок, вызывая неистовый восторг, потом все же встал, чтобы осмотреться и найти домашнюю одежду.

В шкафах не было ни вещей Галины, ни его. Нашел только парадный костюм, в котором семнадцать лет назад женился, и больше ничего. Тогда он скинул китель, рубашку, штаны, долго снимал сапоги и портянки, наконец остался в майке и трусах, и лишь сейчас почувствовал себя отчасти свободным от войны.

– Ох! – он выпустил воздух из огромных, пробитых осколками легких. – Я дома!

– Видим, видим, – ответил ему скрипучий голос из коридора.

– Оба-на. Ну-ка, кто здесь?

Кузьма шагнул из залитой солнцем комнаты в тенистый коридор и наткнулся на старика.

– О, дед! А я-то брожу, ищу вас! Где Полина-то?!

– Где-где, в школе.

– А ты чего тут?

– Спал я. Тут слышу, этот дикобраз разлаялся. Пришлось вставать. Ну здра-авствуй!

– Привет, дед! Спасибо, что присмотрел, – Кузьма обнял старика, который вообще-то приходился ему тестем, но все, даже покойная Галина, звали его “дед”. – Помянем?

Они выпили на кухне.

– Так что произошло? – спросил Кузьма, тяжело вздыхая.

– Никто не знает. Однажды утром заглядываю к ней – лежит. Думаю, отдыхает, устала. Не стал беспокоить – воскресенье, у нее выходной... – Глаза деда стали влажными, но он не заплакал. – В полдень заглядываю, трясусь – лежит, не двигается. Тронул губы – холодные, не дышит. Вызвал врача: говорит, с ночи мертвая. Вот и все.

Кузьма помолчал и спросил:

– То есть не бомба и не пуля?

– Нет. Да какая тут пуля? Ты о чем? – удивился дед.

– Я думал... да так, – Кузьма потер лоб. – Ладно, выдай мне какой-нибудь одежды и веди.

До кладбища был километр – две сигареты ходу в одну сторону. Могилка еще выглядела свежей, хотя и прошло два года. Галина покоилась рядом с матерью, здесь же маленькими холмиками отдыхали родители Кузьмы. Ей выпало лучшее место – в полутра метрах над землей простерлась сосновая лапа, которая не должна была разрастись и достать сюда, но Кузьма с дедом согласились, что спиливать не стоит.

Кузьма обрадовался, что жену охраняет вечно бдительная хвоя, еще подумал, что ни горем, ни лишним воспоминанием ей не поможет. Он знал, что люди умирают на войне. И

вскоре стал смотреть не вниз, где, припорошенный иголками, был конечный след его Галины, а прямо перед собой.

Дед хмуро наблюдал, как изменяется его лицо, но не подал виду.

Борька терся рядом, скулил.

– Жрать небось хочет.

– Пошли, Борька-пройдоха, поедим.

Вернулись. Кузьма набросал псу тушенки из холодильника, а сам съел макарон по-флотски, которые нашел там же, расспросил про хозяйство и дом. Потом уточнил про Полину:

– Ей же сколько, дед? Уже четырнадцать?

– Пятнадцать.

– Ох, точно, ёшкин кот!.. Когда придет?

– Да кто ее знает. Я особо уже не контролирую.

– Как так? От рук отбилась? Ничего, это мы поправим.

– Не надо, Кузьма. Ей-то потруднее твоего далось.

– Чего далось?

– Ну это, – дед мотнул в сторону улицы, имея в виду Галину могилу, но Кузьма его не понял.

Днем он завалился на кровать, обнял пришедшего поласкаться Борьку и задремал. Со дня отъезда из Одессы его все время тянуло спать, но нынешнее состояние отличалось от того, что он испытывал на войне или в поезде. Из того некрепкого, тревожного сна он выскакивал легко, чувствуя себя отдохнувшим независимо от того, сколько он длился. Мирный же сон тек и тек, но никак не напитывал его силой.

Спал он по-прежнему некрепко, но теперь вставать было труднее раз в десять. Он поднимался, брел в туалет, наткался на старые и новые предметы (какие-то помнил, какие-то нет), гремел дверями, потом, не видя ничего от тяжести скопленной усталости, шумно брел обратно в постель, где Борька преданно ждал, высунув язык.

– Сейчас, сейчас, – бормотал Кузьма, обнимая пса, – сейчас встану...

Но вместо этого вновь падал в темную дыру, слышал шум и голоса, которые больше не имели материальной силы. Они продолжали существовать где-то в параллельной реальности, ведь когда он комиссовался, не кончилась ни война, ни осада.

И где-то там новые ребята продолжали гибнуть, а он на халяву выскочил из четырехлетнего кошмара, получив белый билет за очередное ранение, но это лишь недоразумение – Серов ошибся, он должен на самом деле вернуться, обязан вернуться, обязан!..

Кузьма вскочил: “Обязан!” – дом сотрясся от его крика, но только Борька бросился на выручку хозяину. Дед и Полина притихли на кухне. Начинаясь вечер. Стемнело и похолодало. Натянув армейские штаны, Кузьма вышел к своим.

– Поля, – сказал он растерянно. – Как же ты выросла.

Девочка, обратившаяся, оказывается, за эти годы из пухлого нескладного ребенка в худую высокую девушку, теперь была копией матери. Она коротко подняла от чашки чая водянистые глаза. Борька почему-то гавкнул.

– Тихо ты. Узнаешь меня?..

Кузьма шагнул под лампу, одиноко освещавшую кухню. Дед с тревогой смотрел на него.

– Ну ты чего, доча? – попытался заговорить ласково. – Не признаешь батю?.. Скажи уж чего-нибудь.

– Привет, – шепнула Полина. Борька опять залаял.

– А ну тихо! – рявкнул Кузьма. – Чего говоришь?

Но Полина уже сжалась и умолкла.

– Она его побаивается. Уведи, а? Он же в дом не ходит, – сказал дед.

– Да какого хрена?! Я пса четыре года не видел. Пусть уж посидит тут. Эй, Борян, сидеть!

Борька нехотя сел.

– На, поешь, – Кузьма вывалил ему еще тушенки.

– Слушай, Кузь, мы тут не очень-то богато живем, чтоб пса человеческой едой кормить, – тихо заметил дед.

– Да? Ну, теперь-то заживете. Папка вернулся!

Он резко шагнул вперед, Полина поднялась со стула, и он притянул ее к себе, обнял. Девочка сжалась, боясь шевельнуться, но потом осторожно обняла его спину, с трудом соединив за ней руки. Кузьма чувствовал неловкость. Какое-то забытое чувство шелестело в груди, но он не распознавал его.

Постепенно нарастало раздражение от неловкости и того, что дед и Борька наблюдают за этой сценой. Кузьма хотел выругаться, но кое-как остановил себя.

– Ладно, забыла, понимаю, – нехотя признал он, не заметив, что Полина едва не плачет. – У меня для тебя подарки.

Сходив в комнату за вещмешком, он вернулся с трофеями: выложил на стол золотые женские часики, инкрустированные какими-то камнями, и пару серег с жемчугом. Полина уставилась на драгоценности, не понимая.

– Ого, – выдохнул дед. – Да это тысяч на двести тянет, а?

– Возможно, – гордо сказал Кузьма. – Сувенирчики. Только тут камушка не хватает.

Он показал на циферблат часов в том месте, где зияла чернота вместо бриллианта.

– Целая история, кстати, – Кузьма сел за стол. – Выменял камушек, понимаешь? На хлеб обменял. Бывали и такие месяцы, Поля.

Она растерянно разглядывала украшения, отодвинулась от стола, встала, выпрямилась.

– Не нравятся? – удивился Кузьма.

Девочка склонила голову. Глядела с осторожностью, как будто готовясь, что ее отчитают, и наконец негромко сказала:

– Мама умерла, ты знал?

– Знал, Поля. Но я же вернулся. Теперь я буду тебя растить...

Казалось, слова растворяются в воздухе и никто его не слушает, поэтому Кузьма замолчал. Кроме тиканья часов, ничего не было слышно.

Полина резко подняла голову и встретилась с ним взглядом, и он вздрогнул, узнавая Галинино лицо, обильно умытое слезами и полное юной, но уже горчащей жизни. Кузьма не поверил своим глазам: это ли не прошлое и это ли не его совсем молодая жена, которую он видит первый-второй раз и о которой только догадывается, что она сделается его женой? Казалось, что она смотрит через время, будто нет ни прошедших лет, ни даже войны со смертью, рассматривает выжидающе его, молодого и не знающего, кто он и куда однажды уйдет, кого разбудит в себе. Он сам не заметил, как поднялся, уставившись на дочь. Борька непонимающе водил мордой с одного человеческого лица на другое.

Кузьма шагнул к ней, раскрыл объятия, но в этот момент сдавленное рыдание вырвалось из Полининой груди коротким спазмом, она вжалась в угол, не сдержала еще два горестных всхлипа, мотая головой, выставив против него ручки-тростинки, и сделалась тихой как кукла. Угасающий солнечный свет, просеянный серыми кухонными занавесками, выбелил ее лицо, подчеркнул красоту очертаний. Кузьме стало казаться, что и комната преобразилась, сделалась прекрасной, как картинка, потому что почти все они снова были в сборе, и вот-вот воротится прежний он, живший однажды своей семьей, и все обнимутся, и счастьем уже не нужен будет свет с улицы.

Дед и Борька сидели неподвижно, ждали. Кузьма пробовал заглянуть в Полинино лицо, повернуть его к себе, но она не давалась. Постепенно перестала плакать, посмотрела отстранение, будто ее тут нет и его нет. Кузьма оставил попытки, и комната стала обычной: душной и чужой. Наконец Полина спокойно сказала:

– Жаль, что ты не приехал тогда.

Губы Кузьмы двинулись беззвучно, он не мог наполнить их голосом.

– Я это, мне нехорошо, – сказала Полина и быстро ушла.

– Поль!.. – крикнул Кузьма, срываясь с места, но почти сразу остановился, дверь за ней закрылась.

Ответа не последовало. Он посмотрел на деда. Не поднимая взгляда от драгоценностей, тот сказал:

– Скучала по тебе. Я не объяснил, наверное, как следует, почему ты не вернулся.

– Не мог я просто бросить все да приехать. Полина! Выйди! – Наваждение прошло, и Кузьма стал чувствовать злобу.

– Оставь ты, не стоит.

Чертыхнувшись, ветеран скомандовал:

– Пошли, Борь, прогуляемся.

Они с псом вышли во двор. Смеркалось. Кузьма долго вслушивался, но в тишине не было никаких звуков, кроме шума моря, бившегося о скалы совсем недалеко, и очень отдаленного рокота машин. Все время он ждал, что раздастся канонада, выстрелы, кто-нибудь закричит от боли или затрепещет над головой вертушка, но в безмятежную прибрежную тишину ничто не вторгалось. Кузьме сделалось не по себе оттого, что ничего не происходит. Он хотел вернуться к Полине, но не вспомнил пока, как извиняться.

Они вышли с участка, обогнули его по старой рыбацкой тропке и, пройдя недолго меж сосен, очутились на отвесном краю над бухтой. Метрах в двадцати ниже белые гребешки накапывали на камни, выше на север начинался песчаный берег, там вперемешку лежали новые и тухлявые рыбацкие лодки, ждущие отлива.

– Тут лучше, – сказал Кузьма псу. Мерный рев Черного моря обглаживал его слух и понемногу примирял с отсутствием войны.

Время перестало двигаться, и он сидел, не считая минут, пока Борька не поднял лай. Что-то зашумело в кустах. Кузьма насторожился, но потом нащупал на поясе пистолет (он и не помнил, что приладил его снова), и уверенность тут же наполнила руки сталью. Но лай Борьки был дружелюбным: оказалось, что через заросли к ним пробрался дед.

– А, это ты, Петрович? Садись.

Дед молча сел. Кузьма протянул ему сигарету, дал огонь, потом сам закурил.

– Странно. На другом берегу ребята все сидят и курят дрянью.

– Что там сейчас? – поинтересовался дед.

– Как что? Осада... Четвертый год за город воюем, конца не видно. Почти вычистили его от них. Стоит в кольце, но пока в порту наш флот, хрен им, а не город, ясно?.. А что, отсюда вообще ничего не слышать?

Дед покачал головой.

– Эх, за такое курево могут там приплатить изрядно. Хорошее, много табака.

– Слушай, ты с ребенком-то это, поосторожнее. У нее мать... матери больше нет. Ты вроде как бросил, она не понимает, кто ты, чего ты...

– Как это бросил?

– Да так. Ты же не вернулся, когда Галина умерла, а мы ждали...

– Ждали? Ну так у меня там другие дети были, что ж вы такие?! Ей надо не меня бояться, а америкосов, от которых я вас защищал там... И, это, обижаться не надо. Она не маленькая, должна уж понимать кое-чего. Ты здесь был, а я работал, хорошо работал. Деньги вы получали?

– Получали, Кузьма...

– В тот день, когда мне сообщили про Галину, знаешь что было?.. Контрнаступление ихнее по вокзалу! От порта нас на другой день отрезали – всё, куда бы я поехал? По нам танки и минометы два дня работали, так что колонны в зале рухнули, – мы думали, и крыша обвалится,

не могли вообще передвинуться первую неделю, не могли пить, не могли спать. Колонны, понимаешь, гранитные раскололись, как орехи? И это только начало, потом еще девять недель боя...

Кузьма плохо видел в темноте лицо тестя, но чувствовал, что тот ничего не понимает.

– Я как-никак папка ей, буду воспитывать, – озлобленно подвел он черту. – Я только поэтому вернулся. Из-за нее. Так бы остался.

– А ранение? Ты написал, сильно ранен был.

– Да хрен бы с ним, с ранением, – Кузьма махнул рукой. – Пошел бы в другой отряд, откуда бы они знали. Серов, конечно, разолился бы, когда встретил, но мог же и не встретить. Да и что бы он сделал? Наорал? Да я его вертел, он в настоящем-то бою не был. Врать не стану – мужик хороший, но... Не был с нами в бою.

– Понятно. Ты, в общем, не пугай ее. Мы и так натерпелись.

– Чего вы натерпелись? – усмехнулся Кузьма. – Я бы вам рассказал...

– Не надо, слышишь? Оставь там, понял? Мой батя тоже на войне был, но вернулся и никогда особо не говорил ничего и тем более не попрекал нас.

– Ну, так вся страна в ту войну встала, а сейчас что? Я так понял, про нас не говорит уже никто. Первые годы передачи какие-то приходили, посылочки собирал народ, а теперь в газетах перестали писать – и всё, болт все забили. Как будто ни осады, ни войны. Курум дрянь там...

– Народу тоже несладко. Цены выросли знаешь как? Пенсии ни на чего не хватает.

Кузьма расхохотался.

– Чего ты? – нахмурился дед.

Кузьма продолжал смеяться и стал трепать Борьку за густую шерсть, пес принялся подлизываться, потом упал и начал кататься по земле, наслаждаясь хозяйской рукой.

– Ох, Борька, обалдели люди! Пенсии у них маленькие, – сквозь смех сказал Кузьма. – Я друзей от гусениц там отскребал и мамкам телеграммы сочинял, мол, “простите, что приходится вам сообщать... несмотря на Кишиневские, е-мое, переговоры о перемирии”... а вы тут мне про цены. Что же ты, дед!

– Кузьма, ты мне одно объясни, ладно? – мрачно сказал Петрович, когда тот вроде успокоился и лишь улыбался, покуривая.

– Чего?

– Вы там знали, зачем это? Ну ладно поначалу. Ты ушел. Может, и были обстоятельства. Херсонский котел этот, надо было помогать... Наверное... Потом эта ваша осада Одессы, порыв души, да и заработок шел, – все понятно. Но потом... Зачем? Деньги же не такие большие, как я понял? А кем ты стал за четыре года?.. Я же тебя помню...

– Э, дед, лихо ты. В самую суть решил залезть сразу, а? Видно: ничего ты не понимаешь. “Зачем”... Там свой счет. За ребят, за мирных, за русских. Все всё считают, и когда ты уже там, то просто так уйти нельзя. Не посчитавшись. Не мог же я так: хоп, контракт закончен, встал и пошел. К тому же потом, когда котел прорвали, то, казалось, быстро: завтра Одессу очистим, и все – спета песня, можно поворачиваться, сам понимаешь куда. – Кузьма снова закурил, задумчиво глядя в черноту моря. – Говорю же, я бы не уехал. Еще четверть города под украми – надо выжимать их. У них за спиной америкосы – так я бы и им прикурить дал с радостью. Но отряд мой... погиб. Можно было пойти в новый. Польку жалко стало. Много ран у меня. Мог уж не вернуться. А хотелось увериться, что она в порядке.

– Она не в порядке.

– Да? А выглядит здоровой. А что с ней? – Кузьма удивленно повернулся к деду.

– Зажатая, молчит почти всегда. Думаешь, только с тобой такая? Не, у ней это... что-то в голове переключилось после матери. Я-то благодаря ней держусь кое-как, а ей на меня опираться трудно, старый же я. Ты бы поговорил с ней по-человечески, только не вздумай о кровище говорить, понял? Оставь это там. – Дед кивнул в сторону черного, пенящегося моря.

– Я уж сам решу, оставлять мне или нет, – угрюмо ответил Кузьма. – А поговорить поговорю, конечно. Затем я и тут. А что, друзей у нее нет?

– Есть один друг. Я так думаю, поклонник. Максим звать.

– Что за Максим? Чей?

– Ходит к нам каждый день, почти живет. Сегодня не пришел, потому что в город ездил продавать, а так благодаря нему дом и не развалился.

– Да чей, я тебя спрашиваю?!

– Не знаю я! Издалека. Сказал, с Кутаиса. Тоже без родителей остался, но он постарше, двадцать ему вроде. Молчаливый тоже, но Полинку любит, я без слов это понимаю.

– Вот как.

– Ты чего, хмуришься? Единственный дочин друг.

– Друг, ну-ну. А ничего, что ей четырнадцать, а ему двадцать, а?

– Пятнадцать ей, – поправил дед.

– Да ты чего, Петрович? Не понимаешь разве?! А если он того ее, обрюхатит?

– Ты, Кузьма, совсем, что ли? У них это, воздушные отношения, да и тихая она больно для этого. Вряд ли они...

– Вряд ли! – прогремел Кузьма, поднялся. – Вот же ты уверенный!

Борька тоже подскочил и залился лаем. Правда, не сообразив, на кого следует лаять, он обратился в сторону моря, которому была безразлична происходящая сцена.

– Сядь...

– Ты мне не командуй! Распустил девку! Ну-ка, где он?

– Ты чего? Очнись! – Дед с трудом поднялся. – Не слышишь, что ли? Он нам по хозяйству помогает. Почти как родной нам стал. Успокойся. Дом твой помогал чинить, пожар тушил, когда какие-то ублюдки подожгли той зимой. Ты знал об этом?

– Нет.

– А откуда тебе знать? Бросил нас тут... Я-то уже не это. Извини, семьдесят лет. Не молодой мужик, чтобы и пахать, и сеять, как говорится. А он здоровый, крепкий...

– Ты мне зубы не заговаривай, – мрачно отрезал Кузьма. – Я уже понял, что он тебе нравится и вместо тебя тут впахивает. Но я с ним потолкую по душам. Где он?

– Не слышишь, что ли? Уехал в город.

– Не верю! На черта он с ночевкой уехал? Где он там спать будет?

– Не знаю. В поле может поспать на обратном пути, сейчас тепло...

– Ясно. Все мне ясно, Петрович. Распустил девку. В дом какого-то хрена пустил. Посмотрим, что он да как. Посмотрим... Борька, пошли!

Кузьма энергично направился обратно к дому. Пес, так и не сообразив, что случилось, трусил следом и радостно махал хвостом – только он по-настоящему, беззаветно радовался, что хозяин дома.

– Ты не прав, – сказал вслед Петрович, но Кузьма не услышал.

Глава третья

Сначала Кузьма перерыл дом в поисках Максима. Напугав дочь, он все-таки уверился, что парня нигде нет. Тогда он сел в засаде на чердаке, перед незанавешенным окошком, откуда было видно большую часть участка от ворот до крыльца, и стал караулить. Пес все время терся рядом. Только когда они ворвались к Полине, он как бы почувствовал неловкость и немного задержался в дверях. “Ищи!” – закричал Кузьма, но Борька не понял, что надо искать, запрыгнул к девочке на кровать и стал подлизываться.

– Папа, мы его сюда не пускаем! Он же грязный, у меня блохи будут! – испуганно сказала Полина. – Уйди, Борька, уйди!

Но пес уже привык быть в доме, а Кузьма рылся в шкафу, потом полез под стол, под кровать. Уходя, сказал Полине, стараясь контролировать гнев:

– Спи. Завтра с тобой обсудим. И это, не хныкай, ты уже большая.

Она не стала спорить.

Кузьма привык не спать. Это было обыденное состояние, в котором он жил ночи напролет. Он почувствовал что-то очень знакомое и понятное, когда обстоятельства вновь сложились так, что надо бодрствовать и ждать приближения врага. Через полчаса к нему поднялся дед, пытался уговорить лечь, но он холодно ответил, не поворачивая головы:

– Уходи. С тобой тоже завтра.

Петрович поворчал, но ушел. Кузьма замер под лунным лучом. Кожа его стала белой, зрачки черными, и он неподвижно сидел, наполовину спрятанный тенями комнаты, наполовину облитый полнолунием. Шумело море, колотилось сердце. Он слушал его, не спал. В осаде было так: часами сидишь, ждешь, высматриваешь врага. Конечно, под лучом сидеть нельзя. Но тут все-таки гражданка, и хотя Кузьма чувствовал себя как накануне боя, он понимал, что прятаться от пацана не надо. Он смотрел на дорогу и ждал. За ночь мимо проехало три машины, потом один раз, уже под утро, по отдаленной трассе прогрехотало что-то – видно, набитая фура; к семи утра машины зачастили.

Кузьма спал с открытыми глазами, но все слышал, запоминал, высчитывал, готовился встать, как только понадобится. Рука неподвижно пролежала на рукоятке пистолета. Он чувствовал, как кровь раз в несколько минут совершает обращение в его теле и вместе с ней ненависть путешествует от сердца к кончикам пальцев, откуда шепотом передает оружию единственное заклятие: “Убей”.

Что ему нравилось в ночной службе особенно, во тьме не было никаких посторонних голосов. Никто не пытался остановить его: ни снаружи, ни изнутри. Наружным он всегда мог ответить, что увидел ползущего к позициям укра, а внутренние просто молчали. Днем они, бывало, мучили его: “Не стреляй, там могут быть дети”, “Не кидай гранату – вдруг мирные” и тому подобное. Ночью все замолкало, и лишь слово “убей” разрядами тока управляло временем. Властное и спокойное – оно не кричало, но у него имелась цена.

Часов в восемь утра к дому подъехала машина. Вышел здоровый парень и отворил ворота. Он завел машину на пяточок в углу участка и долго ковырялся в багажнике, набирая что-то в огромную наплечную сумку. Кузьма видел не очень хорошо – мешали ветки и легкий туман. Он отметил, что у парня крепкие накачанные руки и ноги, нет пуза, но грудь пока мальчишеская, неразвитая. Одет он был по-простому, в белую майку и синие, пожившие свои джинсы, на ногах рваные кроссовки. Лица было не разглядеть издали.

Борька проснулся, выглянул в окно и радостно гавкнул. Хотя парень не обернулся, продолжив копаться в багажнике, Кузьма схватил пса за загривок, притянул к себе и громко прошептал.

– Так, Борян, сейчас не испорти мне тут. Команды помнишь?

Пес испуганно заскулил, когда Кузьма схватил его за шкуру.

– Помнишь? Умри! Ну?

Пес не сразу понял.

– Умер, Борька, умер! – шипел Кузьма.

Тут пес вспомнил и повалился на бок, вопросительно глядя на хозяина.

– Молодца. Так и лежи.

Пес скулил, но больше не гавкал и не вставал, хотя видно было, что ему смертельно хочется полаять для приехавшего.

– Сука, пса моего *приручил*, – пробурчал Кузьма, продолжая на всякий случай держать одну руку на Борькином брюхе.

Наконец Максим захлопнул багажник, зашагал к дому. Кузьма изучил его походку. Обычный парень. Может быть, он бы ему даже понравился, кабы не эта история с Полиной. Таких пацанов было немало во время осады: пошедшие на контракт после срочки ребята со всей страны. Лицо простое, немного суровое от ранней усталости, но светлое, открытое, даже, пожалуй, чем-то парень был похож на самого Кузьму.

– Ладно. Лежи тут.

Кузьма выбрался из чердачного окна, оттуда слез на крышу первого этажа и встал в полный рост. Парень не сразу заметил его, но когда заметил, остановился.

– Здравствуйте, – сказал он, подтягивая ремень сумки.

Не ответив, Кузьма прыгнул на землю и приблизился.

– Ну здорова, коль не шутишь. Чей это ты?

– А Роман Петрович не рассказал?

– Ты мне тут не Роман Петровича вспоминай, а на вопрос отвечай.

– Я ничей.

Установилась тишина. У парня были маленькие васильковые глаза, выгоревшие белые брови, щеки покрыты оспинами, сухие прямые волосы песочного, почти белого цвета. Ощущалось, что в нем дышит молодая, легко доставшаяся сила. Но на подобное Кузьма насмотрелся немало – он знал, что и такая сила побеждается, убивается легко.

– Ты ж не с Края?

– Не, я с Кутаиса.

– Далече забрался. А из семьи-то какой? Или сирота?

– Пенкин моя фамилия. – Парень скинул сумку и подвигал уставшим плечом. – Сейчас сирота. Папа уехал в добровольцы, мать умерла.

– Прямо как у Полинки моей, получается, – Кузьма удивился.

– Ну да.

– Ты мне не “нудакай”.

– Не понял? – Парень нахмурился. – Вы же Кузьма Антонович, так?

– Так-то так, а вот кто ты и какого черта на моей земле делаешь, я не знаю.

– А, я понял, – сказал парень и замолчал.

– Ничего ты не понял. Так где твой отец?

– Как где? Погиб.

– Понятно. В каком батальоне был, знаешь?

– В этих, – парень поморщил лоб и почесал голову, – в “Вихре”, что ли, как-то так называлось.

– Был такой “Вихрь”, знал оттуда ребят, – согласился Кузьма, силясь вспомнить фамилию “Пенкин”, но безуспешно. – Короче, так. Что ты с моей дочкой устраиваешь?

– Устраиваю? Ничего.

– А что краснеешь? – Кузьма почувствовал, как гнев охватывает его.

– Не краснею я! – Парень впервые отвел взгляд, чем еще больше разозлил хозяина.

– Папа, перестань! – услышал он.

– А ну ушли!

На пороге стоял Петрович, рядом жалась Полина.

– Ушли быстро, я сказал!

Полина попятилась в дом, тесть остался на месте.

– Кузьма, он наш. Перестань уже.

– Мы толкуем, не видишь? Потолкуем и придем, – с трудом пряча ярость, сказал Кузьма. – Идите завтрак готовьте и кофе. Я не спал всю ночь. Ждал вот Максимку, хотел познакомиться. Мы же просто говорим, так? – Он повернулся к парню. – Чего кулачонки-то сжал свои? Просто же говорим, так? Ну, скажи им.

– Просто говорим, – угрюмо повторил Максим после паузы. – Полина, сделай мне тоже кофе, пожалуйста.

Девочка постояла еще пару секунд, потом исчезла в доме. Петрович не двинулся с места, но Кузьма не стал обращать на него внимания.

– Ну, будем знакомы, – процедил он и протянул парню лапу для рукопожатия. Тот ответил. Кузьма сдвинул ладонь Максима, но несильно. Тот никак не отреагировал.

– В общем, так. Сюда больше не ходишь, понятно? Дом у тебя есть? Вот там и живи. Когда подрастет, то, если надумаешь свататься, приходи. А жить у меня тут не надо.

– Кузьма! – воскликнул Петрович.

– Так, тихо там! И еще. Если узнаю, что ты ее это... то пеняй на себя, понял? А я узнаю. Максим кивнул. Он смотрел на Кузьму с ненавистью, но молчал, желваки часто двигались.

– Ну? Чего тарацишься? Скажешь сам, может?

– Нечего говорить, – чуть слышно пробормотал парень. Было видно, что он говорит сдавленно не от страха.

– То есть ничего не было, да?

– Да.

Они долго молчали. Кузьма не боялся ничьей злости. Он знал, что ни один гражданский не ведает и половины той ненавидящей силы, что таится в людях. Но ему уже не было смешно.

– А теперь разворачивайся и иди, понял? Ау. Я кому сказал!

Парень врос в землю и не двигался.

– Дайте с ней попрощаюсь, – процедил он наконец.

– Это зачем это?

Максим молчал.

– Любишь, что ль? Ну? Язык проглотил?

– Да, – чуть слышно буркнул парень. – Думаю, что люблю.

Кузьме стало снова смешно.

– Ну, любовь зла. Будешь ждать, – объявил он и мягко похлопал парня по плечу. Тот сорвал его руку. Кузьма ответил молниеносным ударом левой, более слабой руки под дых. У парня был неплохой пресс, но мощь свинцового кулака легко пробила его, и Максим присел на колено, хватая ртом воздух.

– Покашляй, покашляй, – спокойно сказал Кузьма, глядя сверху вниз.

Он отвернулся и так же спокойно, не торопясь, пошел в дом. Решил, что если парень побежит за ним, то придется убить его: один удар ножом в сердце. Однако Максим поднялся, глянул на деда, тот покачал головой, и тогда парень побрел к машине.

Потом Кузьма с Петровичем пили кофе вдвоем в тишине. Полина не вышла, несмотря на уговоры.

– Поплачет и успокоится, – беспечно отмахнулся Кузьма. – Что я, не знаю, что ли? Это сейчас обидно, а через месяц забудет как звали. Понимаешь, дед, я насмотрелся, послушался, хватит с меня. Я только для этого и приехал. Сделать одну вещь нормально – воспитание. И вообще. Ты вот смотришь, а сам скажи – если бы Гальку стал помогать такой вот типчик, ты бы чего? Сидел на печке и в носу ковырял, а?.. Чего молчишь? Если бы трахал дочку твою?..

– Утомонись ты! Перестань про это говорить, – разозлился дед. – Я, по-твоему, слепой? Я следил, чтобы все нормально у них было. Да и Полина не такая, спасибо матери ее скажи.

– Ладно, верю. А, то есть мне спасибо не надо?

– А где ты был? – искренне удивился Петрович. – В самые трудные годы свалил. Нет уж, папаша, извини, но пока тут заслуги твоей мало.

– Ничего, подрастет, выдам замуж. Держать не буду. Но я и правда хотел, чтобы как лучше. Веришь мне, Борька?

Он потрепал пса за ухом, и тот радостно гавкнул.

– Уберешь ты его из дома наконец?

– Да, пора бы и сторожить начинать, Борь. Порадовались мы с тобой встрече. И ладно. Кузьма вышел во двор и определил Борьку в потемневшую от времени конуру.

– Срублю тебе новую, – пообещал он и занялся этим в тот же день, как немного отоспался.

Пару дней у Кузьмы заняло сооружение нового дома для пса. Это уже была не вполне конура: высотой в пол-этажа, просторная, с двумя большими окнами, она смотрелась как маленькая веранда; внутрь он навалил свежей соломы, тщательно заткнул все щели ватой и проконопатил крышу. Потом взялся за крышу основного дома и неделю возился с ней. Попутно соорудил себе гамак в саду, а возле – небольшой кофейный столик. Подле ложился Борька, и Кузьма рассказывал ему анекдоты и нестрашные истории про свои военные приключения, после чего сладко засыпал на свежем воздухе.

Все это время Полина не разговаривала с отцом, и он легко оставил попытки с ней подружиться. Раз, другой принес подарки: платье, конфеты, которые она любила в детстве, – но ничего не помогло. Тогда Кузьма подумал, что время еще есть, ведь чувствовал себя он прекрасно, никаких признаков скорой смерти. Значит, и с дочерью успеет наладиться.

Через неделю-другую ветерану наскучили строительные заботы. Он было взялся за сооружение новой бани, более приличного забора, планировал заняться и внутренним убранством дома, половина которого пустовала (когда-то они сдавали одну-две комнаты туристам, но дед заявил, что больше не хочет ни за кем прибираться), но уже к концу второй недели странное чувство посетило его. Это была не лень, но ощущение незначительности всего происходящего. Единственное по-настоящему важное дело осталось позади, и Кузьма не знал, к чему себя приладить.

Глава четвертая

Однажды, отправившись с Борькой на прогулку вдоль берега, он наткнулся на мужчину, который с первого взгляда показался знакомым. Кузьма присмотрелся, но, хоть и имел хорошую память на лица, не смог его вспомнить. Борька тоже заинтересовался незнакомцем и весело побежал его обнюхивать. Мужичок был маленький, с по-мальчишечьи узкими плечами, однако было заметно, что мускулатура у него хорошо развита и, несмотря на обросшее, потертое лицо, выглядел он нестарым и еще крепким.

– Ох ты ж старый пердунишка, – сказал Кузьма, отгаскивая пса, – уже бы тебе на покой пора, а ты все скачешь как лось.

– Добрый пес, – заметил мужичок.

– Да уж. Хороший, главное, верный.

– Это точно. Верность – главное, – признал незнакомец и повернулся к морю. Оно билось об острые камни, но сильно не доставало до того валуна, на котором он восседал.

– Смотри не засидись – смоем вечером, – посоветовал Кузьма.

– Да, я знаю.

– Знаешь? А сам откуда? Что-то я не видал тебя раньше.

– С Джанхота.

– Ого, – Кузьма уважительно присвистнул. – Далече. Куришь? Однако забрался ты.

Закурили.

– Не думал. Сел и поехал, – сказал мужичок.

– На чем?

– Да вон, – он, не оборачиваясь, махнул рукой в сторону, и Кузьма увидел под кустами велосипед.

– А-а. Серьезно. Сорок кэмэ промотал?

Незнакомец усмехнулся и повернулся к Кузьме, чтобы осмотреть его с головы до ног.

– С какого батальона? – спросил он, превращая усмешку в улыбку.

– “Смерч”, а сам?

– В одесской милиции работал. С добровольцами оказался, когда началось. Не приписанный ни к кому.

– А что в Джанхоте забыл? – удивился Кузьма.

– Сам как думаешь? – снова отвернувшись к морю, отозвался мужичок. – Ранили. Теперь голова всегда болит. Списан по негодности, уехал к сестре... она там, с мужем.

– Понятно. Кузьма.

– Павел.

Они пожали друг другу руки. Снова говорило лишь море, мужчины некоторое время нащупывали тему.

– А ты чего со “Смерча” уехал? Твои там вроде были в почете.

– У кого?

– У всех. Народ особо не грабили, воевали, вокзал брали... Слышал, у вас такой командир был, что всех в узде держал, даже когда другие беспределили.

– Был-был. Царствие ему небесное. Пока не сплыл, – Кузьма сплюнул. Он не хотел вспоминать. – Всех этот чертов вокзал забрал. – Кузьма выбросил одну сигарету и тут же закурил следующую. – Почти всех, – добавил он.

– Да, мясорубка там была.

– А то. Мы первые пришли. Но взяли же. Не с первого раза, но взяли. А потом удержали...

– Сколько вас вышло?

– Мало.

Кузьма открыл было рот, чтобы сказать еще, но толпа людей, погибших в упорных боях, то утихавших, то разгоравшихся, встала перед его глазами, и он подавился черным комком обиды.

– Думаешь об этом?

– Нет.

– Не о них. О том, почему сам не...

– Может, и думаю, не знаю.

– Все думают, – уверенно сказал Павел. Помолчав, добавил: – Хороший пес. У нас тоже был в участке пес. Меня больше всех любил. Жаль, не смог забрать с собой.

– А что с ним?

– Да хрен его знает. Писем не пишет.

Теперь Кузьма понял: мужичок показался ему знакомым, потому что у всех прошедших эту войну был общий отпечаток стыда, разочарования и гнева. Особенно гнева – на огромный безмолвный народ, который они пошли защищать на передовую.

– Выпьем? – предложил Кузьма.

– Пошли, – согласился Павел.

Они отправились в дом Кузьмы, закрылись в одной из комнат, которая уже несколько лет была никому не нужна, и принялись пить и разговаривать. Так пролетело дня три. Петрович иногда стучал и проверял, живы ли, но всякий раз находил хозяина и гостя угрюмыми, раздраженными и напряженно продолжающими напиваться. Либо спящими.

На четвертый день Павел вдруг встал и уехал в свой поселок. Но уже в конце недели он вернулся не один, а еще с двумя ветеранами – ополченцем и русским молодым парнем. Провели они на войне почти одинаковое время: Кузьма и Павел – по четыре года, Егор и Никита – по три с половиной. Когда еще через несколько дней к ним присоединился пятый, хозяин сказал, что комната тесновата для такой большой компании и что он беспокоится за дочь, и поэтому всей толпой они отправились искать новое место и, как ни странно, быстро нашли.

Оказалось, пункт сбора рыбаков, к северу от Края, забросили, пока шла война. Пятеро ветеранов быстро обжили ветхий бревенчатый домик.

Они стали собираться несколько раз в неделю, редко стовариваясь о времени. Обычно первым появлялся Кузьма, поскольку жил ближе всех. Он мог прийти сразу после обеда и, посадив Борьку сторожить, усесться за огромным обеденным столом в ожидании остальных. Следом приезжал на дребезжащем велосипеде бывший милиционер Павел, а за ним остальные. Часам к семи все бывали в сборе.

У посиделок не было темы или повода. Мужчины не пытались себя развлечь. Иногда могли просто сидеть и ждать, пока стемнеет. Потом, когда ложилась тьма, им волей-неволей приходилось начать общаться, чтобы, по крайней мере, зажечь керосинку. Но когда скупой свет падал на лица, молчание возвращалось. Иногда Егор приносил гитару и брэнчал, иногда Павел являлся с нардами и играл с кем-нибудь. Но все это было лишь способом чуть отвлечься от любимого совместного безмолвия.

– Я представлял приезд с войны сюда не так, – признался однажды Павел, когда в очередной раз стемнело и только лампа грела их лица. Все посмотрели на него с удивлением, хотя каждый думал примерно о том же.

– Я тоже! – воскликнул Егор.

– И я, – сказал Никита.

– И я, – подхватил пятый, которого звали Петр.

– А ты, Кузьма?

– Ничего. А что?

– Мне казалось, – начал медленно Павел, – что это будет похоже на то, как возвращались деды с Великой Отечественной. Вроде как с той же заразой дрались и пришли победителями.

– Но мы-то не победили еще, – напомнил Кузьма.

– В том-то и дело. Но и не проиграли. Не им нас судить, но почему они нас не встречают так же, как тех? Вот ты, Кузьма, разве не хотел бы, чтобы дочь бросилась на шею, цветы подарила, поцеловала?

– Не знаю, не думал об этом.

– Это потому что время другое, – заметил Егор, сидевший в дальнем углу, где его покрытого шрамами лица не было видно.

– А в чем разница?

– Да как же, Паш. Все другое: и мы, и люди в тылу.

– А враг тот же, – вставил Никита.

Снова помолчали, Егор в своем темном углу разлил по стаканам водку. Выпили, закурили.

– На самом деле им просто не говорят о враге, вот и все, – с горечью продолжил Павел. – Ведь мы все это знаем. Было нужно – все помнили. А потом по телеку бросили говорить – и нас там как бы больше и нет! Хотя вы за них же туда и поехали! Вам разве не обидно? Мне за вас обидно больше, чем вам самим! Я-то тамошний, ко мне поневоле война пришла. Но вы-то выбрали. Вам честь за это надо отдать.

– Угомонись, Паш. Расчет получили и свободны, – сказал Никита. Он был молодой, поэтому даже сейчас смог посмеяться.

– А, вот ты как поёшь?! Так ты наемник? – Кузьма не на шутку разозлился.

– А ты, стало быть, нет? Деньги не получал?

– Получал! Но я туда не за деньги пошел.

Никита пожал плечами. Ему было двадцать четыре, ни детей, ни жены. Если бы не оторванная во время осады рука, воевал бы до сих пор. Он поглядел на свой новенький протез и сказал:

– Видишь, за что я пошел? Десять тысяч долларов. Думаешь, у меня такие деньги были когда-то? Я даже и сосчитать бы столько не смог. В рублях, – уточнил он, улыбаясь. – А теперь могу себе позволить такую штуку, и не одну! У дедов-то, поди, не было.

Но никто не понял шутки, и молчание, сделавшееся мрачным, затянулось.

– Скучно с вами, – вдруг сообщил Кузьма, поднимаясь после очередной рюмки. – Хочу развлечься.

– Развлекайся, никто ж не запрещает, – заметил Никита.

Кузьма вышел и зашагал к машине. Он еще сам не понял, что собирается сделать. Открыв багажник, нашел канистру с бензином и отправился к морю. Здесь он облил несколько лодок и поджег. Огонь занялся не сразу, Кузьма заставлял пламя разгореться. Но вот сырое дерево вспыхнуло и очень быстро выгорело. Борька испуганно жался к ногам хозяина.

– Ты уж разбушевался тут, да? – спросил подошедший Павел.

– Не. Хотелось что-то сделать.

– И как, веселее стало?

– Немного.

На самом деле Кузьма почувствовал себя гораздо лучше.

– Так дело не пойдет, – сказал он, – сидим как старые пердуны. Молчим. Надо что-то делать!

– Зачем? – пытался понять Павел.

– Я вот умираю от скуки!

– Так иди работай.

– Да к черту работу! У меня есть пока деньги, еще успею наработать. Мне еще хозяйство поднимать. А пока хочу что-то полезное сделать, и веселое!

– Ну тогда веселись, кто не дает.

– Кстати, насчет денег. Надо бы с Саньком потолковать. Сходишь со мной?

– А кто это, Санек?

– Друг старинный. Мы до войны кафешку держали на набережной. Узнаем, как там она. Может, как раз и работу тебе организую! – Он хлопнул Павла по плечу.

Лодки прогорели, черноморская ночь снова скрывала лица, слабый серебристый полумесяц лишь изредка показывался из-за облаков.

– Схожу, если надо. Но я работать тоже не хочу. У меня пенсия.

– А кто платит?

– Как кто, – Павел пожал плечами и улыбнулся. – Русские платят.

– Видишь, тебя не забыли.

– Да брось. Знаешь же, о чем я. На людей посмотри. Как они косятся на нас. Как будто это не мы их защищали от укров и америкосов.

– Дураки, что с них взять, – добродушно ответил Кузьма. – Я вот стараюсь не злиться и тебе не советую. Знаешь, мне еще мой отец объяснял: каждый понимает столько, сколько ему Боженька мозгов отмерил. Вот мы с тобой понимаем, а они... – Он развел руками. – Но ты же не бесишься на пса, что он пес?

– Борька твой поумнее многих, – мрачно заметил Павел. Поняв, что речь о нем, пес залился радостным лаем.

– А вот что было бы, если бы мы туда не пошли, а? Ты думай чаще об этом, тебе станет легче, – посоветовал Кузьма.

– Тебе самому легче от этого?

– Просто думай. Вот увидишь. Я как представлю, что здесь стоит американский флот и какие-нибудь укро-немцы наших баб лапают, мне сразу... ровнее дышится как-то. Мы их не пустили!.. Не будет такого. Слышали? Не будет!!! – проорал Кузьма, поворачиваясь к черному морю. Волны мерно гремяли, поглощая их разговор.

Глава пятая

На другой день Павел с утра приехал к дому Кузьмы на велосипеде. Тот только проснулся и выглянул в окно. На часах было начало восьмого, солнце уже начинало припекать, лето было совсем близко.

- Как ты на этой железке ездешь? Еще и в такую даль.
- Не знаю. Не спалось вчера. Сел и поехал, пока темно.
- Это хорошо, что ты уже здесь, – сказал Кузьма.

Хотя он был уверен, что привезенных с войны денег хватит еще минимум на год, а если начнут платить обещанную военную пенсию, то и вовсе не придется работать, с тем, как дела у их с Саньком кафе, желательно было разобраться. Просто он ленился идти к нему один. А при зрителях – вот хоть при Паше – все было проще.

- Заходи, позавтракаем.

На кухне уже сидели Полина и Петрович. Едва появился отец, девочка встала и пошла в свою комнату.

– Так, стоять! – громыхнул Кузьма. Полина испуганно обернулась. – У нас вообще-то гость! Чего молчишь? Видишь, нет?

- Вижу, – пискнула Полина.
- Вот и поздоровайся. Давно не видала Пашку-то. Сколько мы уже не приходили?
- Здравсьте, дядь Паш.
- Здравствуй, Поля, как учеба?
- Хорошо. Скоро экзамены только.
- ЕГЭ?
- Нет пока. ОГЭ.
- Понятно. Ну, учись хорошо, радуй папу.
- Я стараюсь.

Снова воцарилось молчание. Кузьма недовольно посмотрел на дочь, но по ее зажатому виду было ясно, что большего из нее не выдавить.

- Ладно, иди.

Девочка ушла к себе.

– Дети, – виновато улыбнулся Кузьма, усаживаясь за стол.
– Начни уже с ней нормально общаться, – посоветовал Петрович.
– Не учи меня, дед. Видишь, пытаюсь? А у ней будто заноза, ходит недовольная вечно, сжавшаяся, унылая... жуть! Что ей не так-то?

- Сам знаешь. – Дед поднялся и пошел к себе.
- Ушли, блин... А завтрак?
- Приготовь себе, – сказал старик из коридора. Скрипнула и закрылась дверь.
- Вот об этом отношении я и говорю, – заметил Павел.

– На дураков обижаться – себя не уважать, – отозвался Кузьма, делая вид, что всё в порядке. – Нравится с постными минами ходить – ради бога!

Он приготовил яичницу и кофе, и после завтрака поехали на старых “жигулях” в центр Края, где находилась небольшая туристическая зона, включающая пешеходную набережную и галечный пляж. Часть набережной была густо застроена ларьками и магазинчиками, но большинство стояли закрытыми.

– Вот-вот сезон, – сказал Кузьма. – Но что-то не торопятся открыться. Наверное, особо не едет народ, Крым же теперь. Ну так правильно, все в Крым пускай едут, я тоже так считаю. Но сюда и раньше не сильно ездили. Впрочем, у нас с Саней все должно нормально идти. У нас же было это, ноу-хау. Знаешь такое?

Павел кивнул.

– Переводится “знаю как”! Я не знал – это Санька все. Любил заграничные слова... Только вот не пойму, где она. Обычно отсюда уже слышно.

– Кого?

– Скоро узнаешь. Только, видать, он нашу кафеху-то переставил.

Через некоторое время они нашли кафе на колесах, и Кузьма театрально воскликнул:

– Ха, как в воду глядел! Переставил! Санек!

– Закрыто, – сказал Павел.

Кузьма принялся было дергать ставни на окнах, но забряцали тяжелые замки.

– Гляди-ка, и правда еще не открылся. Обычно в это время уже сезоним! Потерял Санек хватку!

В этот момент появился Санек. Он выглядел совсем не так, как его запомнил Кузьма. Пожалуй, если бы Борька не залаял и не бросился в его объятия, и не признал бы. Санек постарел, сделался худым как скелет. Одет был в потасканную пыльную кожанку и черные джинсы. Его волосы и щетину тронула седина, более заметная, чем у поседевшего на войне Кузьмы.

– Привет, – сказал Санек, когда Борька немного успокоился.

– Здорово! А чего я не слышу криков? Она у тебя где, спит?!

– Она? А, ты про Ритку, – Саня почти улыбнулся, но потом глаза снова заволокла скука. – Померла еще пару лет назад.

– Черт!.. А чего ты не написал?

Санек почесал голову.

– Да что тут писать-то и куда?

– И то верно. Когда открываемся?

– Никогда.

– Как так? – опешил Кузьма.

– Пошли поговорим.

– Тут говори!

Они стояли посреди пешеходной зоны, но вокруг почти никого не было, туристы пока не приехали. На них с любопытством посматривали хозяева окрестных точек и малочисленные прохожие. Почти все знали друг друга в лицо.

– Давай хоть с дороги сойдем.

Опустив голову и сунув руки в карманы, Санек прошел к ступенькам, которые вели к набережной и потом ниже, к пляжу. Кузьма заметил, что друг подволакивает левую ногу. Санек сел и закурил. Борька все терся рядом, но нетерпение слишком одолевало Кузьму, и он отстранил пса.

– Тебя не узнать! Рассказывай, что случилось. Как умерла Ритка?... Это попугай наш, – пояснил он Павлу. – Санек придумал. Поэтому и название – “Попугай”. Хорошая идея была... Только я не понял, Сань, как она могла умереть? Они же писали, такие четыреста лет живут.

Санек усмехнулся.

– Где-то живут, да не в наших широтах. Была зима холодная, кто-то забыл окно закрыть, она простудилась да сдохла.

– Кто-то?! Ты один живешь!

– А, ну можешь и на меня свалить.

– погоди, я не сваливаю, но ты так говоришь, будто кто еще мог! А если да, то давай предьявим ему! Триста евро платили!

– Кузьма, я кафе продал. Она уже при новых хозяевах померла. Твоя доля у меня до сих пор. Отдам – только скажи.

– Вот это новость. Ну, я в принципе догадывался, – Кузьма почесал щетину, скрывая растерянность. – По твоему унылому виду. Но, может, расскажешь?

- Дело не шло. Как ты уехал, сезоны хуже и хуже. Я и продал на второй год.
- А кому продал?
- Да кому-кому... вон, чертям, – Санек со вздохом махнул рукой в сторону каких-то кавказцев, которые с интересом разглядывали трех мужчин и собаку.
- Этим?! – Кузьма перевел изумленные глаза на бывшего партнера.
- А кому? Денег нет ни у кого. Я три месяца продавал! Никто из наших не пришел. Был какой-то мужик со Ставрополя, типа инвестор. Заехал, посмотрел, обещал купить и не приехал больше. Я месяц ждал, два... ну и все, продал им вот. За четыреста.
- За четыреста?! – Кузьма почти на минуту потерял дар речи и стал изумленно оглядываться в поисках поддержки. Думая, что хозяин играет, весело залаял Борька, Павел стоял безучастно.
- С ума сошел? – воскликнул Кузьма. – Она в сезон пятьсот делала!
- Знаю! Но сейчас ни черта не сделает! Я ж не дурак, Кузь. Хотел как лучше.
- Обалдеть... – Кузьма взялся за голову, – вот это новость! То есть мы и без дела, и без бабок!
- Выходит, так. Но твои двести у меня на счету. Напиши свой номер, я отдам...
- Стоп, что ты мне рассказываешь! Если ты продал, что тут делаешь?
- В смысле?
- Ну, зачем пришел, раз продал еще два года назад?
- Санек непонимающе смотрел на него, потом сообразил:
- А, так... по привычке хожу. Сам не знаю зачем. Смотрю просто, вспоминаю...
- И на что живешь?
- Медом торгую. Я теперь как этот... ну, короче, пасечник.
- Пасечник, – растерянно повторил Кузьма. – А я?
- А чего ты?
- Ну, а я кто?
- Не знаю, Кузьма.
- То есть меня ты в дело не берешь?
- А ты хочешь медом заниматься? – удивился Санек.
- Мы же партнеры, я тебе денег давал.
- Ну и я тебе давал. – Санек поднялся, опять закурил. – Слушай, Кузь. Твою долю я сохранил. Но в этом деле я, пожалуй, один обойдусь, понимаешь?
- Не понимаю!
- Ладно, пошли, – вздохнул Павел, которому сделалось все ясно.
- Чего пошли?! Я тут не закончил!
- Я тебе по дороге объясню, пошли...
- А ну, погоди! Так, Сань, разъясни: я оставлял тебя с нашим делом, ты его продал – ну ладно. А теперь, получается, даешь мне расчет и отправляешь к черту?! Ты же со мной не советовался даже.
- Толку с тобой советоваться? – Санек разозлился. – Ты бы вернулся помогать? Одному, знаешь, не особо просто все тянуть.
- Ты мне зубы не заговаривай, – Кузьма схватил Саньку за рукав и притянул к себе – тот оказался легким, как соломенное пугало. – Почему это ты со мной дела иметь не хочешь?
- Да зачем ты мне нужен? – в голосе Саньки наконец прорезалась твердость, а в глазах что-то вспыхнуло, он начал пытаться вырваться. – Ты мне и раньше не был нужен-то! Да и с Риткой я придумал.
- Опа! Только что жаловался, что, бедный, один остался!

– А ты бы поотбивался от сраных чертей! – Санек наконец освободился. – Вон, поди быкани на них, похватай за одежду! Посмотрим, сколько их соберется тебя убивать! Их тут целая армия теперь!

– А, так ты испугался? Так и говори! Давай я парней соберу да и отобьем у них...

– Нет, я все честно продал, даже налоги заплатил. Теперь медом торгую, мне хватает. Ладно, бывай. Захочешь нормально поговорить – приезжай.

– Так, стоять, – сказал Кузьма злобно. – Паша, у тебя телефон есть? Вот, обменяйтесь номерками. Паша за тобой присмотрит, договорились? Если что, будет защищать.

Санек без охоты согласился, дал Павлу свой номер. Потом заковылял прочь.

– Ну ты видел?! – воскликнул Кузьма с нервной улыбкой. – Вот поэтому я тебя и взял – будешь свидетелем, как обходятся с нами гражданские!

Павел скептически смотрел на него, сложив руки на груди. У него было лицо человека, который давно не ожидает от жизни ничего хорошего, и произошедшее лишь легло новым доказательством в копилку.

– Что думаешь?

– Всё по делу. Ты уехал – он продал.

– А-а, вот ты как, – с обидой заметил Кузьма. – Я вот так не считаю. Вместе лямку тянули, вместе придумывали и делали.

– Тогда, получается, не надо было тебе уезжать.

В ответ Кузьма лишь отмахнулся. Принялся нервно ходить туда-сюда. Он чувствовал в себе силу, мощь, но почему-то все, к чему он прикасался по возвращении, сразу безвольно сдавалось, хотело сбежать от него, словно было слишком слабым.

– Мы с ним еще не закончили! – сказал он, немного успокоившись.

– Дело твое, но Саня вроде нормальный. Думаю, стоит забрать у него деньги и пусть делает что хочет.

– Ты забери, – Кузьма махнул рукой, – меня сейчас это мало...

Павел постоял в нерешительности, потом согласился:

– Ладно, схожу.

Он стал звонить Саньку, чтобы спросить дорогу, а Кузьма с Борькой прошли немного вдоль набережной. Люди с любопытством и опаской разглядывали их.

– Вот они, люди... Ну что, Борька? Устал, проголодался?

Борька гавкнул.

– Тогда пошли, куплю тебе кость баранью.

В этот момент он заметил поодаль странное движение и переменял планы.

– Эй, вы чего там?! – окликнул он трех кавказцев, говоривших с девушкой. Они держались от нее на почтительном расстоянии и общались спокойно, с улыбками, но Кузьме все равно не понравилось происходящее.

– Ничего, брат, общаемся, – ответил старший.

Кузьма и Борька подошли к ним. Девушка явно была не местной – и совсем юной, наверное, немногим старше Полины, блондинка с огромными карими глазами, румяными щеками. С первого взгляда, по выражению лица, движениям, мимике, Кузьма понял, что девушку переполняет жизнь и энергия, поэтому сразу забеспокоился о ее судьбе.

– Общаетесь? О чем вам с ней общаться? Ну-ка, отойдите немного, не толпитесь. Девушка, здравствуйте, вас как зовут, какими судьбами в Крае?

– Я Катя, журналист! – ответила девушка и энергично пожала Кузьме руку. От неожиданности он даже опустил взгляд на свою огромную грубую ладонь, в которой ненадолго скрылась белоснежная девичья кисть.

– Вас не обижают тут? – Он сурово глядел на кавказцев.

– Нет-нет, я из Москвы приехала только что, ребята мне как раз объясняли, где тут снять комнату.

– Комнату? У них? Не советую, тараканов в Москву себе навезете.

– Эй, брат, зачем так говоришь, а?

– Кто тебе тут брат? – строго, но спокойно уточнил Кузьма.

– А может, есть без тараканов? – испуганно спросила журналистка и перевела взгляд с Кузьмы на кавказцев.

– Конечно есть, не слушайте его! – сказал самый молодой. – Комната чистая, евроремонт...

Но Кузьма придвинулся к Кате ближе и доверительно проговорил:

– Нет, так не пойдет, советую вам гостиницу. Самая лучшая у нас – “Русалочка”, у моря стоит, я провожу.

– Хорошо, – согласилась она, поколебавшись. – Извините, ребята.

Девушка улыбнулась, и все четверо мужчин почувствовали себя настолько счастливыми, что потенциальный конфликт так и не разразился. Когда же затмение красотой стало проходить, Катя, Кузьма и Борька были слишком далеко, чтобы догнать их.

– Славные ребята, воспитанные, – сказала журналистка.

– Эти? С ними надо ухо остро держать. Эй, Борька, ко мне!

– Какой прекрасный пес!

Катя опустила на корточки и принялась гладить Борьку. Тот вначале обнюхивал ее с недоверием – от девушки пахло духами и косметикой, – но постепенно привык и завилял хвостом.

– Да, это мой Борька. Дождался. Хоть он, – пробормотал Кузьма.

Катя пару минут знакомилась с Борькой.

– Немного не собачье имя, но просто отличный пес!

– Не собачье? А чье же?

– Ну... даже не знаю, – она сильно смутилась. – Я бы скорее ждала, что так хрюшку будут звать.

– Свиною?!

– Да я шучу, – Катя засмеялась, и Кузьма ответил невольным смехом: сопротивляться ее улыбке было действительно невозможно. – Наоборот, очень человеческое имя. А почему он вас ждал? Вы уезжали?

– Уезжал по работе.

– Далекое?

– Про осаду Одессы слышали? Вот туда.

– Туда-а? – Катя остановилась посреди дороги. – Так я поэтому здесь! Я вас и искала, получается!

– Меня?

– Ну да! Ветерана этой войны! Мне дали несколько адресов в Минобороны, неофициально, сказали, можно попробовать отсюда. Я хочу написать об этом большой материал!

– Об Одессе?

– Вообще о гибридной войне.

– О какой-какой войне?

– Гибридной. – Девушка на мгновение взяла его за руку и терпеливо объяснила: – Гибридная война – это понятие. Это такая смешанная война, когда и обычная, и малая, и информационная, и кибер-война. Как сейчас у России.

– С украинцами идет обычная война, – хмуро сказал Кузьма, – не малая. Просто об этом как-то больше не говорят. Я понимаю, нельзя официально, но... раньше-то говорили, а сейчас типа запахло стало. Я слушал радио – ни одной новости про это, а мальчишки умирают...

– Это очень важная тема, вы правы! Но в Одессе лишь один из театров. Самый важный, но не единственный! Я так хочу обо всем это написать хороший материал! Я вообще думаю из этого сделать диссертацию. Или книгу. Или диссертацию и книгу, я еще не решила! – с восторгом тараторила Катя. – Но я точно хотела начать с разговора с ветераном. Я, правда, сначала искала ветерана Ближнего Востока, но мне сказали, что по тамошним пока рано писать, им еще нельзя говорить... И тогда я стала искать ветеранов Одессы, и мне посоветовали съездить сюда. Говорят, здесь в округе Геленджика сразу несколько человек живет. И вот я вас сразу нашла! Как вас зовут?

– Кузьма.

– Кузьма? Тот самый Кузьма?! Герой батальона “Смерч”?

– Ну, геройская звезда имеется...

– Так это ваш отряд занял Одесский вокзал и потом оборонял от контрнаступления! Вы командовали последним штурмом и десятидневной обороной?!

Кузьма лишь хмуро расчесывал щетину. Несколько секунд девушка стояла в растерянности, соображая что-то, потом ее лицо прояснила самодовольная улыбка. Кузьме стало не по себе. Он будто снова участвовал в игре каких-то чуждых сил, которые пытались управлять им в Одессе и о сути которых он лишь смутно догадывался.

– Когда ты приехала?

– Всего час назад! Можно взять у вас интервью?

– Вот ты... Господи, да можно, конечно... Постой, а гостиница?

– Гостиница подождет!

– А где, кстати, твои вещи?

– В камеру хранения на автовокзале сдала, чтобы жилье искать налегке. Да неважно все это – мне надо срочно с вами поговорить!

По ее сверкающим глазам Кузьма понял, что вряд ли отвертится, и напрягся. Раньше он никогда не давал интервью и помнил, что на фронте не очень-то любили читать непутевые статьи с гражданки, даже если их писал бывший военный.

– Прямо здесь, что ли? – спросил Кузьма с надеждой, что удастся отсрочить.

Катя стремительно изучила местность, проверила что-то в телефоне и объявила, что они пойдут в *KFC*.

– В кэ-эф чего? – не понял Кузьма. Когда он уезжал добровольцем, такого еще у них не было, но *KFC* действительно открылось, и Катя привела его, сверяясь с картой в телефоне.

– Скажите, что вы хотите, пожалуйста, я вам все куплю.

– Вот еще! – возмутился Кузьма.

– С собаками внутрь все равно нельзя.

– Тогда я ничего не буду.

Фаст-фуд открыли на единственном оживленном перекрестке Края, пластиковая вывеска красовалась напротив Дома культуры, сотворенного советскими строителями, знавшими толк в обстоятельной архитектуре. Кузьма чувствовал себя не в своей тарелке, поскольку тут сидели только кавказцы (они же, судя по всему, и держали точку) и малочисленные школьники. Катя появилась с подносом: принесла ему стакан чая и какой-то бутерброд, а Борьке воды в пластиковой миске и несколько кусочков курицы (пес обнюхал их с недоверием и есть не стал). Себе она купила салат, но не стала даже открывать, а сразу достала блокнот, диктофон и сообщила:

– Я очень волнуюсь, поэтому заранее извините.

– Хорошо.

– Я не буду сразу все спрашивать. Разобьем интервью на несколько частей, ладно? Тем более вам точно есть что рассказать, и мы за раз не управимся.

– Согласен.

– Я буду задавать вопросы, а вы просто говорите то, что считаете нужным. Можно кратко, можно развернуто, ладно? Если трудно ответить, скажите первое, что приходит в голову. А если хотите – можно пропускать вопрос.

С каждым уточнением, хотя звучали они весьма лояльно, Кузьма напрягался все сильнее. Он чувствовал, что его затягивают на территорию, где он никогда не бывал, и там он окажется беззащитным. Но выразить опасение и даже признаться себе в нем Кузьма не мог, поэтому стиснул зубы и ждал.

– А, и вот еще. Вы мне даете разрешение на публикацию?

– Ну да, видимо...

– Я вам пришлю материал, и вы можете письменно заявить правки, договорились? Но после исправлений я могу публиковать на любом носителе, хорошо?

– Ну хорошо.

– Супер! Отлично, тогда поехали.

Глава шестая

Артем Стрельцов набрал полную грудь морского воздуха. Было странно вдыхать такой же запах, как в Одессе, но находиться в мирном цветущем городе, среди здоровых, беззаботных людей. Он пробирался через рынок, раскинувшийся на площади перед вокзалом, и испытывал смешанные чувства. С одной стороны, радостно было видеть столько молодых, счастливых лиц, с другой – он никак не мог привыкнуть. Казалось бы, прошел не один месяц, как он возвратился из осажденного города, и пора бы тоже почувствовать себя гражданским, но Стрельцов все еще не был своим среди людей.

Он пробрался через рыночную сутолоку на другой конец площади и отыскал автобусную остановку. Но оттуда уходили лишь городские автобусы – пришлось возвращаться в толпу, чтобы встать в очередь к киоску, отпускавшему билеты на междугородние машины. Несколько десятков человек уже стояли за билетами – в основном пассажиры того же поезда, каким был Стрельцов, – рынок то и дело пытался разорвать очередь, утянуть кого-нибудь в гущу торговли. Стрельцов несколько раз терял из вида лысого старичка, за которым занял, и постоянно поглядывал на телефон. Наконец она позвонила. Стрельцов объяснил, где находится. Марина пришла. В мирной жизни они понимали друг друга без слов, поэтому простояли большую часть времени в молчании. Когда до киоска осталось недолго, Марина сказала:

– Надеюсь, у него на море попрохладнее.

– Да уж, – Стрельцов в очередной раз вытер со лба пот. – Два билета до Края.

Продавщица приняла деньги и дала ему маленькие талончики, напечатанные на тонкой бумаге.

– Сколько ехать? – спросила Марина.

– По карте километров восемьдесят. Посмотрим.

Стрельцов нашел на другой стороне рынка тесный оранжевый автобус с надписью “Край” на лобовом стекле. Он пропустил Марину к окну, а сам сел у прохода. Несколько человек хотели занять ее место, но он упрямо говорил: “У меня два места”, и они уходили с ворчанием. Никто не видел Марину, кроме него.

Дорогой они почти не разговаривали. Марина глядела на природу, пронсящую за стеклом, а Стрельцов – на Марину. Он многое отдал, чтобы она никогда не покидала его, но теперь самое главное было рядом, а остальное можно наверстать. До войны у него было много планов. Почему-то казалось, что достаточно отработать контракт, вернуться и можно будет приступить к их исполнению. Но оказалось, что не все так просто, вина и ненависть крепко держали его. Его командир, самый лихой и сильный человек в батальоне, в своих историях тысячу раз повторял это название – Край.

По пути автобус делал остановки: люди выходили, садились новые. Очередной мужчина чуть не повздорил со Стрельцовым насчет свободного сиденья – тогда он посмотрел на пассажира другим, принесенным с войны взглядом, и тот моментально замолчал и сел на свободное место поодаль.

После этого крохотного происшествия Стрельцов поймал на себе насмешливый взгляд одного из попутчиков, сидевшего по правую руку, через проход. Пока остальные смотрели в окно или дремали, тот разглядывал его одного и его пустое место рядом.

– Что это он пялится на тебя? – раздраженно спросила Марина. – Эдак он и про меня догадается.

– Не волнуйся. Это невозможно.

– Я только для тебя тут, – с ревностью прошептала Марина, кладя голову ему на плечо.

– Я знаю. Всё в порядке.

Но он почувствовал, что Марина права. Незнакомец глядел остро, и хотя не существовало людей, способных увидеть ее, этот походил на того, кто может быть ей опасен.

– Что тебе надо? – не выдержал Стрельцов, когда поймал взгляд мужчины в очередной раз.

– Надо? – Тот надменно поднял бровь и скривил лицо в презрительной усмешке. – Ничего от вас. Наблюдаю красивый вид.

– У тебя свое окно. Вот там и наблюдай.

– Каждый смотрит куда хочет. Или в этой местности не так? – с плохо скрываемым раздражением сказал мужчина. – Она какая-то особенная?

– Ах ты... – прошипела Марина, будто приняла слово “она” на свой счет.

– Я не отсюда.

– И я. – Оба помолчали. – Я, молодой человек, из Москвы, а там можно смотреть куда нравится, – сообщил незнакомец, и Стрельцов невольно улыбнулся, ведь он сам прибыл из столицы.

Москвич выдержал его взгляд с бесстрастным видом. Тогда руки Стрельцова постепенно налились злой, не ошибающейся силой – той, которая на фронте превращала их в инструмент смерти.

– Как тебя зовут? – Изменился и его голос.

– Нестор. Художник.

– Нестор. Москвич, художник, любитель свободы... – негромко произнес Стрельцов, словно предлагая смерти жертву. – Отвернись-ка. Просить больше не буду.

Наконец страх пробил защиту мужчины. Передернув плечами, он опустил взгляд на экран телефона, потом стал смотреть в свое окно, как было велено.

– Пялься на природу, на небо, на утенок и чаек, – прошипела вслед Марина. Стрельцов мысленно провел рукой по ее волосам. Вскоре Марина повеселела, и они позабыли о неприятном столкновении. Больше сосед ни разу не повернул к ним головы, но изредка Стрельцов ощущал скользкий насмешливый взгляд, задевавший его и девушку.

Через час дорога сузилась, запетляла по серпантину, а потом вдруг вывела на безымянную высоту, откуда стало видно бескрайнее лиловое море и вонзающийся в него мыс, на накопечнике которого стоял поселок.

До Края доехало всего семеро, считая художника и Марину.

– Ну как тебе?

– Сам же видишь.

Стрельцов отправился разыскивать дом Кузьмы.

– Я ему пока не буду говорить про тебя.

– Понимаю.

– Точно? Ты только не обижайся.

– Слушай, я же призрак, – раздраженно ответила Марина.

– Не говори так.

– Тогда не думай так... Зачем ты идешь к нему с открытым забралом? Ты же боишься встречи.

– Не боюсь.

Марина слабо улыбнулась и не ответила. Почти стемнело, когда им повстречался на улице человек, подсказавший адрес Кузьмы. Они доехали на последней маршрутке, шедшей в ту сторону.

– Большой дом.

– Не соврал, – согласился Стрельцов. – Слышишь море? Не придумывал командир – стоит почти на берегу.

– Вообще-то мне не нравится, – сообщила Марина, разглядев получше. – Старый, обшарпанный, все заросло, не ухаживают за ним, на участке не работают...

– Я думаю, если он пустит нас жить...

– Давай в гостинице остановимся? А вернемся завтра...

Он продолжил смотреть на дом. Что не так? Два этажа, большие окна, крыша свежеевыкрашенная, а остальное не так важно.

– Молчишь? Вот так всегда. Так и знала, что этим закончится. Ты обещал мне, помнишь?

– Помню. Только я не обещал во всем тебя слушаться. Я говорил, что буду с тобой советоваться, учитывать твоё мнение...

– Я так и знала! – воскликнула Марина.

Стрельцов уже набрал в легкие воздуха, чтобы возразить, но тут дверь отворилась и на участок вылилось много электрического света. На порог вышел старый мужчина.

– Эй, ты кто?! – с опаской крикнул он.

– Я Артем! Кузьма здесь живет?

– А, Кузьма тебе нужен? Да, живет. – Старческий голос звучал недовольно. – Только его нет. Ты из его приятелей?

– Ну как “из приятелей”... Служили вместе.

– Понятно, – старик задумался, но потом сказал: – Ну, заходи тогда, подождем его.

– Пойдешь? – тихо спросил Стрельцов у Марины. Она молчала. – Слушай, перестань, это просто дом. Дом как дом. Надо зайти познакомиться, а потом можем уехать, искать место в гостинице.

– Зачем мы приехали к нему? Надо было все разузнать, а уже потом являться!.. – скороговоркой сказала Марина. – У меня плохое предчувствие про этот дом, про этот поселок...

– Эй, ты что-то говоришь? Я не слышу.

Было поздно менять решение. Стрельцов пошел к свету, позволив Марине на время исчезнуть. Он познакомился со стариком, которого звали Романом Петровичем, и очутился на кухне.

– Ты не похож на других его дружков, – заметил дед. – Хотя я теперь уже ничего не знаю.

– В смысле?

– Что “в смысле”? Налить тебе?

– Давайте, – Стрельцов постарался скрыть облегчение – он очень хотел, чтобы ему предложили выпить.

Дед чинно поставил на стол бутылку и рюмки, нарезал закусок, разлил.

– За мир? – предложил он. Стрельцов кивнул, чокнулись.

– Кто это? – спросил он, поворачивая голову. Он почувствовал чье-то присутствие в неосвященной части коридора.

– А, это Полинка. Дочка Кузьмы.

- Да, он рассказывал. Редко, правда.
- Совсем ты на них не похож. Давай еще выпьем.
- Они еще выпили.

– Чем он занят нынче? – терпеливо спросил Стрельцов.

– Да собрал себе шайку-лейку, – раздраженно объяснил дед. – Тоже служили с ним там. Кое-как заставил их не торчать тут, при ребенке. Так теперь Кузьмы тут почти не застанешь. Всё что-то устраивают, обсуждают... Наверно, он захочет тебя к ним приписать.

Стрельцов опустил взгляд на стакан, чтобы скрыть, как насторожила его эта новость. Он не ожидал, что найдет Кузьму уже собравшим на гражданке новый отряд.

– Я ненадолго, повидать его, – сказал он, когда еще выпили. – Я поработал после дембеля в Москве, но сейчас понимаю, что нужно время отдохнуть, а Кузьма, пока служили, всех звал... Вот я и подумал... Вы извините, что я как снег на голову. На самом деле мы остановимся в отеле.

– А ты с кем-то?

– А, не, я оговорился.

– Понимаю. Давай еще... А кем ты там служил, Артем?

– Снайпером.

– Неслабо, – с уважением проговорил дед. – И как служилось?

– Нормально. Просто работа, – ответил Стрельцов. Сначала он выдержал взгляд старика, но потом отвел глаза в сторону. Становилось не по себе, когда приходилось рассказывать о том, чем он занимался на войне. Ведь это, по сути, совершил другой человек: у него была форма без нашивок, позывной “Профессор”, обвес, шифрованная рация, десятки бессонных ночей... – ничем подобным настоящий Артем Стрельцов никогда бы не занимался. Но попробуй объясни это людям.

– “Просто работа”? – Дед удивленно посмотрел на него. Выпили снова. – А Кузьма, стало быть, вами командовал?

– Батальоном командовал Серов, а нашим отрядом – да, последние два года командовал Кузьма.

– А почему только последние два?

– Ну как почему? До этого Митрич командовал, но его убило снарядом при штурме вокзала. А до Митрича – Юла, у него крыша однажды поехала от крови, а до Юлы, еще в самом начале, – полковник Целелов, его я не застал, я ведь позже Кузьмы прибыл. Целелов одним из первых Херсонский котел прорвал – может, слышали по новостям?

– Не, – равнодушно сказал дед.

– Его потом вызвали на другую какую-то войну, он хорошо образованный, говорят, был – по военной специальности, так что, считай, повышение.

– Да... Много их сменилось.

– Ну так и от отряда под конец штурма ничего не осталось, – развел руками Стрельцов. Ему казалось, что он объясняет какие-то совсем уж очевидные вещи. – Да и от всего батальона – дай бог треть.

Снова зашуршала тень.

– Ты там подслушиваешь, что ли, Полина? – грозно спросил дед. – Извини, – сказал он Стрельцову, поднялся и зашел в коридор. – Неприлично так себя вести. Выйди, поздоровайся. Папин сослуживец приехал. Настоящий, не как те.

– А кто там? Может, я их знаю, – сказал Стрельцов.

– Вряд ли. Они из разных мест. Но он тебя познакомит, я уверен.

Пришла Полина. Она слабо улыбнулась и поздоровалась с Артемом.

– Извините, – сказала она, – было интересно послушать. Обычно я не слушаю, но вы интересно рассказали.

– Интересно? – Стрельцов растерялся. Он даже зачем-то встал из-за стола, и теперь все трое стояли, переглядываясь. Вдруг он заметил, что из темноты коридора на него смотрит Марина и ее глаза полны тревоги. – Простите, где у вас туалет? – спросил он.

Дед проводил на улицу.

– Марина, ты где? – начал спрашивать он, оставшись один, но она молчала и не появлялась. – Что не так с домом? Можешь объяснить, в конце концов?

Он долго ждал, но слишком долго торчать в туалете показалось неприличным. Пришлось вернуться. Дед без него выпил еще четверть бутылки и сидел захмелевший. Полины не было видно.

– А чем ты на гражданке занимаешься? – спросил дед пьяным голосом.

– До войны санитаром работал. Сейчас деньги получу и пойду учиться на врача. Офтальмологом хочу быть.

– Солидно. Слушай, ты устал, наверное, с дороги? Давай у нас оставайся, Кузьма скоро приедет. Полно свободных комнат в доме, пойдем покажу.

Дед устроил по дому и участку небольшую экскурсию, после чего оставил Стрельцова в комнате на втором этаже. Едва дверь закрылась, тот забросил сумку с вещами в угол и выключил свет. Он ждал несколько минут, что Марина появится: обычно она выходила из тени, постепенно обретая плоть и запах, и некоторое время обнимала его крепко-крепко, как в последний час, проведенный вместе живыми, – чтобы напитаться силой и начать ходить и говорить. Но сейчас таинства не происходило.

– Где же ты? – обреченно спросил Стрельцов.

Он лег на продавленную скрипучую кровать. В комнате было душно, пришлось встать и открыть окно. В ноздри ударил морской воздух, и Стрельцов понял, что не может лечь спать, не увидав моря. Слишком долго они добирались. Он переоделся и спустился вниз. На весь этаж храпел дед, хлопала приоткрытая ставня в гостиной. Стрельцов вышел на улицу, обогнул участок. Он шел на запах соли и шум волн и через некоторое время случайно наткнулся на тропинку, петлявшую меж кустов и сосен до обрыва, о подошву которого ударялась черная вода.

Стрельцов нашел поваленное дерево. Он сел, наслаждаясь соленой прохладой. Было очень странно слышать то же самое море, которое сопровождало его всю службу, но при этом не считать удары своего сердца между выстрелами, не задерживать дыхание, чтобы прицелиться, не слышать голос Марины – своего наводчика. Так прошло много минут, пока он не услышал смешки и разговор. Какие-то молодые люди были совсем неподалеку. Стрельцов почему-то ощутил неловкость, хотя еще не понял, кто это, и юркнул в неосвещенное пространство за деревьями, чтобы тень проглотила его. Своим острым зрением он быстро нашел источник шума и, присмотревшись, узнал Полину. Ее обнимал какой-то белобрысый жилистый парень, но слов было не услышать, – впрочем, и без того он догадался, что молодые люди воркуют на языке влюбленных.

Стрельцову было неловко, но он не мог уйти. Немного живой, настоящей любви было рядом, и он наслаждался ею. Закрыв глаза, позволяя соединиться запахам ночи и любви, шуму моря и голосам, которые ветер без злого умысла играючи рвал на части. Словно не было никакого Стрельцова-убийцы, Стрельцов-философ думал: “Многое должно было сойтись, чтобы произведение стало совершенным. Но пусть поспорят со мной, что любовь не является искусством. Посчитай сама: влюбленные должны быть красивыми, в их чувстве должно быть мало корысти и совсем не быть жадности, в их движениях друг к другу не должно быть злобы или зависти, но их секс должен быть звериным, хотя бы иногда, а лучше – часто. Они должны понимать друг друга, но не во всем соглашаться; они должны знать друг друга, но оставаться загадочными, странными; у них должно быть много общего и еще больше разного. Но самое важное – любовь обитает в ином временном измерении. Для нее нет “раньше” и “потом”, нет

“позавчера”. Она есть, а потом – ее нет. Люди удивляются, что любовь минула, но это они ушли, потеряли веру в нее. Это люди умерли или просто изменились, а любовь все та же: царит, сияет, манит незнующих. Потому ее и отождествляют с Богом, что чувствуют вневременную природу, улавливают вечность. Кому-то везет, и он с молодости до старости живет в любви; кому-то везет даже больше – он никогда с нею не сталкивается; наконец, большинство узнают ее лишь на короткий срок. Когда они теряют ее, то думают, что это она “прошла”. С некоторыми избранными она рядом всегда, парит, чем-то похожая на музыку, и они черпают из нее, толком не понимая, как синтезируется их счастье. В конце концов, нас ждет только смерть, наше “потом”. Ее ничего не ждет, у нее нет будущего или прошлого, для нее, в общем, нет ничего невозможного. Посмотри хотя бы на себя, чтобы убедиться”.

Стрельцов открыл глаза, адресуя последнюю фразу Марине.

– Ох и любишь ты поумничать, – сказал призрак.

– Ну да, потому и “Профессор”.

Полина и Максим по-прежнему ворковали, укутавшись в огромное одеяло. Снайпер и его погибшая подруга смотрели на них.

Глава седьмая

– Ваше имя?

– Что? – Кузьма удивленно уставился на журналистку.

– Это для полноты интервью, начнем с самой базовой информации, – доверительно пояснила Катя и улыбнулась. – Если нужно, можем сначала пообедать. Съешьте сперва сэндвич, если хотите.

– Сэндвич?.. А, Борька съест. На, Борька... А зовут меня Кузьма Антонович Безлин...

– Когда и как вы прибыли в зону боевых действий?

– В апреле я прибыл. Ровно четыре года назад.

– Вспомните дату?

– Тринадцатого апреля прибыл в распоряжение Целелова и получил первую задачу... Тринадцатого апреля все у меня началось, работа. Накануне прорыва Херсонского котла. Прорывать котел я и ехал.

– В каком качестве вы пробыли там эти четыре года?

Кузьма улыбнулся.

– У вас есть официальное звание? – уточнила Катя. Кузьма усмехнулся: и вправду, что ли, не понимает она?

– Смотри: я срочку служил, ну, как все. Потом оставался. Думал, по военной линии карьеру сделаю. Но только тогда в армии ни воли, ни денег не было, а вот дерьма – лопатой жуй. Вот и не стал задерживаться, а дослужил до лейтенанта старшего, если тебе интересно. Но пороха настоящего не понюхал – времена другие были, армия не для того тогда была.

– В каком звании вы вернулись сейчас?

– О чем ты все выспрашиваешь, не пойму?.. Я работал. Исполнял приказы руководства.

– Руководства?

– Руководства компании. Хватит, не спрашивай, – сурово сказал Кузьма.

– Хорошо. Ходили слухи, что вам неоднократно поступали предложения завершить вашу... карьеру, но вы неизменно оставались. Ни разу не покидали зону конфликта. Действительно ли существовали люди, которые считали ваше присутствие там затянувшимся, неуместным?

Кузьма улыбался, но в глазах его полыхнула злоба. Сам не заметил, как рука его потянулась к Борьке, стала бродить по шерсти. Пес покорно молчал под хозяйской ладонью.

– Там много было всякого и всяких. Политишонки ихние меня думали оттуда вытурить, но не вышло. Им, видите ли, притушить хотелось, чтобы все остановилось, чтобы все у них на привязи сидели и лаяли по команде. Они только о деньгах и власти думали, а у меня чертят полсотни... одно время было. Нет, я делал то, что считал правильным, и руководство было за меня. – Он нахмурился и смотрел хищно. Катя подалась немного назад, не в силах выдержать этот взгляд. – Отправили восвояси, когда уже окончательно плох стал, – добавил Кузьма и грустно улыбнулся. – По врачебным суждениям. Так бы работал. Но они думают, развалюсь я, если еще по мне что попадет. Сказали: “Уезжай, Кузьма, поживи, повидай дочь, пока жив”. Я решил уехать, потому что отряда уже не было.

– То есть вас комиссовали по состоянию здоровья?

– Неважно, как это называть. Политишонки хотели меня выдавить, но не сумели. Вот это запиши. А остальное неважно. Сейчас я здесь.

– Похоже, вы не слишком рады снова быть дома? – удивилась Катя.

Кузьма думал долго. Он ерзал на неудобном пластиковом стуле и хотел пить. Становилось жарко, и хотя перед ним была зеленая девчонка, он чувствовал себя как на экзамене.

– Я рад, – сказал он, понимая, что молчит слишком долго.

– Какие чувства вы испытываете в мирной жизни после пережитого там? После сражения с неонацизмом?

– Ох, ну и вопросы ты ставишь. Непросто сказать. Понимаешь как, с одной стороны, мы – люди скромные. Вроде как мы пошли на дело, куда нас позвали, и вроде как сделали всё, что от нас зависело. Как говорится, сделал дело – гуляй смело, так? Тем более что нас не обидели, жить есть на что, и даже пенсию обещали потом платить. Но есть и другой такой момент...

Кузьма прочистил горло. Постепенно к нему возвращалось спокойствие, волнение перед красным диктофонным глазом отступало. Катя терпеливо ждала продолжения.

– И момент такой, – сделав глоток чая, продолжил Кузьма, – что нас тут так воспринимают, словно мы призраки, не настоящие. Я это понял не сразу, и то лишь потому, что пообщался с другими ребятами. Нас тут мало. Вот, например, Никитка, пацан с Геленджика, молодой, тебе ровесник! Что он в жизни видел? А теперь он кому нужен? Без руки остался. Да, купил себе протез дорогой, им чуть не подтереться можно, но тем не менее! Калека! А парню двадцати пяти нет. И что ты думаешь? Кто-то говорит ему “спасибо”? Кто-то хоть понимает, откуда он вернулся?! Мне за это очень обидно! Я-то что? Я взрослый мужик, у меня дочь, я свое пожил. Мое будет со мной и дальше. А вот таких, как он, жалко, и их немало!

Он остановился, но Катя молчала. Снова пришлось вспоминать про диктофон. Это не обычная беседа – тут будут его слушать. Кузьма воодушевился и продолжил.

– И конечно, есть такое чувство обиды из-за этого! Вот к ним ко всем. Они знают хоть, через что мы прошли? Кто-то поехал за деньгами. Но ведь много кто поехал по зову сердца. Большинство! Потому что им не все равно! Мы не могли не поехать, понимаешь? Такие, как я, или Никита, например. А кто тамошние? Они куда уедут? Там выбор: за них ты или за своих. Вот мои его и сделали: Егор, Паша... Петр. Его я, правда, пока плохо знаю.

Катя пометила что-то в блокноте.

– Ты лучше имена потом замени, – подумав, добавил Кузьма.

– Хорошо. Продолжайте.

– Так вот. Обидно нам, понимаешь? Мы на стороне России встали против зла, понимаешь? И все об этом знали. А пока война шла – забыли! Потому что стало меньше новостей. А гробов-то меньше не стало. Каждый друга похоронил. Вон, Стрельцов у меня был, вот такой снайпер, мог белке яйца отстрелить со ста метров. Чуть не женился он там на своей... И что же? За месяц до дембеля девчонку взяли и запытали прямо в городе. А парню тридцати нет – ему бы жениться. А кто он тут теперь? Невидимка! Для всех мы невидимые. Молодым это особенно обидно. Ведь ты понимаешь – много мы рассказать не можем. Понимаешь, да?

Есть документы всякие подписанные и так далее. “Не разглашать” там сказано. Поэтому не расскажешь. Но каково у них на сердце, понимаешь? Друзей нет, любимых нет. Выть охота. А всем плевать. И главное, государству тоже, и людям. А русскому человеку как – ему не похвала нужна, но понимание. Если он с драконом бьется, то может и умереть. Но как это, что нас забыли?!

– Ну, русский же человек привык к смирению, не так ли? От многих респондентов я слышала, что им не нужна ни награда, ни признание.

– Не нужны мне награды! – возмущенно воскликнул Кузьма. Борька всполошился и подскочил в поисках угрозы. Ветеран стал тщательно подбирать каждое слово. – Я говорю о том, что мы невидимые! Люди нас не видят, мы для них не существуем, потому что этой войны больше нет. Заморозили – и ладно! Можно молчать. А то, что в неволе, окруженная, стоит наша родная русская Одесса, им как будто забыли сказать!

– Я вас поняла. Какое самое яркое впечатление у вас оставила операция по деблокированию осады Одессы?

– Самое яркое? – Кузьма задумался, потом усмехнулся. – Можно вспомнить, да не обо всем можно рассказывать. Самое яркое, пожалуй, это первый день в Одессе. Мы туда наконец добрались, смотрим с порта, а полгорода горит. Не спрашивай, как оказались, запрещено говорить.

– Понимаю.

– В тот день укры пустили, получается, какой-то новый напалм. Солдат не задело, а гражданские многие погибли. И никто не знает, кто сделал. Какой-то из ихних батальонов... Больше такого не происходило. Но если бы сейчас опять случилось, я бы не удивился. Только никто во всем мире не напишет об этом. Журналистам темы все сменили, я так понимаю.

– У вас и, возможно, у некоторых ваших товарищей есть обида на журналистов? Расскажите об этом.

– Да нет никакой обиды. Я не знаю, в других боевых действиях я раньше не участвовал. Но ребята, кто ездил в разные точки, рассказывали, что нигде столько вранья нет, как там. Все врут. Особенно укры. Рассказывают про нас... А мы просто людей защищать пришли. От фашизма, понимаешь? От зла. А про нас говорят. А наши тоже не сильно лучше. Про что угодно будут напевать, только не про реальные проблемы. Я же смотрел ящик, газеты читал. С каждым годом все меньше и меньше нормальных новостей о нас. Приезжаешь – меня тут все знают. Все знают, где и почему я был, но им все равно. А я-то хожу и молчу – подписка! Да и противно навязываться, коли им дела нет!

– Вы все еще ассоциируете себя со своим отрядом и с армией осажденной Одессы?

– Конечно! Я до сих пор мысленно там. Мне сейчас не узнать точно, что там, но я примерно представляю.

– И какой ваш прогноз?

– Мы очистим Украину от фашистов до самой границы с Венгрией, вот увидите.

Отчеканив фразу, Кузьма вдруг испугался.

– Стой, это не публикуй. Это не надо. И вообще, знаешь, ох... все эти интервью. Я их там никогда не давал. Нельзя было, и сейчас вот думаю, тоже зря мы это затеяли.

– Хорошо, – Катя улыбнулась и остановила диктофон. – Я вижу, вы немного устали. Давайте сделаем паузу. Проводите меня в гостиницу?

Как ни странно, Кузьма теперь испытал разочарование.

– Я тут пробуду некоторое время, – сказала Катя вкрадчиво. Было видно, что она хочет понравиться. – Еще не раз побеседуем, хорошо? Я бы также хотела обсудить с вашими друзьями. Вы сказали, тут есть несколько?

– Ну да. Пашу ты могла видеть утром, он со мной был. Потом Егор еще, хороший мужик. Никитка вот, молодой который, безрукий, ну, и этот к нам приبلудился недавно, но он вроде на сезон только, не местный. Петр, сказал, зовут.

– Ясно.

Девушка начала собираться, Кузьма снова стал замечать ее красоту, и ему снова сделалось неловко.

Вопросы журналистки заставили его задуматься, и теперь он возвращался к ним, проигрывал зачем-то варианты ответов. Он даже открыл было рот, чтобы спросить, можно ли что-то переписать, но потом подумал, что лучше скажет то, чего не успел, в следующих интервью. Они шагали к автовокзалу в молчании. К середине дня с моря пришли облака, и на поселок стала давить предгрозовая духота. Воздух стал пахнуть электричеством.

– Вы не волнуйтесь, это у всех так, – сказала Катя, когда пришли к камерам хранения.

– Как?

– Все переживают, что сказали лишнего или не так сказали. Вы потом сможете вычитать. Тем более это не для прессы, а для книги, там еще редактор что-нибудь поправит, так что все хорошо будет. – Она улыбалась.

– Да я не волнуюсь. Вообще давай на “ты”, у нас тут не особо в Краю принято выкать.

– А что у вас тут принято, какие традиции есть?

Вопрос привел Кузьму в замешательство, и он растерянно поглядел по сторонам. Они находились в обшарпанной маленькой комнате с низкими потолками. Сонная женщина, принимавшая и выдававшая вещи, вряд ли могла бы подсказать, да и у Кузьмы не пробуждались никакие воспоминания. Он забросил на плечо Катину дорожную сумку и покатил одной рукой маленький розовый чемоданчик с мордой какого-то котика и цветочком.

– Да какие тут традиции... – вздохнул он после минуты раздумий. – Туристов все обдирают с мая по сентябрь, потом ничего не делают. Я-то это... кафешку вон держал, комнату, бывало, приезжим сдавал – мое дело простое. Было. Теперь вот дед мне говорит: сдавать не будем, а Санек взял да кинул... Ладно, – он махнул рукой. Катя молча слушала. – Русские с чертями, бывает, в контрах, но это не потому, что мы такие плохие. Тут как: некоторые с давних веков жили. Вот те, которые древние, те нормальные. Живут в своей деревушке отдельной, баранов держат, людям не мешают. А новые – наглые, приехали не пойми откуда, и все с деньгами, вот это для нас особенно удивительно! Правда, – спохватился Кузьма, – меня тут давно не было. Может быть, что и поменялось.

Катя понимающе улыбнулась, но ничего не сказала. Наверное, подумал Кузьма, в Москве слишком привыкли к чертям и уже так не беспокоятся. Впрочем, он-то понимал, что о девчонке придется позаботиться.

– Вот что. Давай-ка я к тебе кого-то из ребят приставлю. Никитку, например, он молодой.

– Это зачем? – Катя даже остановилась. Впервые ее голос и лицо перестали источать нежность и приветливость.

– Ну как зачем? Для безопасности.

– Для какой еще безопасности? Тут разве полиции нет?

– Кого? Милиции, что ли? Есть, да толку с них? Ты это, не обижайся, слушай...

Они пошли дальше. Катя хмурилась. Борька озадаченно смотрел на людей.

– Я ж беспокоюсь, чтоб ничего не случилось, понимаешь?

– Понимаю. Но это уже как-то слишком. Я сама о себе позабочусь.

– Никита тебе и про себя расскажет. Он в специальных операциях был, больше видел.

Тут Кузьма спохватился, что молодой парень ради красивого словца или просто чтоб приударить за девушкой может разболтать лишнего – того, о чем с них брали расписку. Но было поздно: в Катиных глазах загорелось любопытство.

– Ну, тогда можно с ним познакомиться. Но ходить везде со мной не надо. Пусть приходит на интервью.

Они подошли к гостинице, которая довлела над пляжем и набережной угрюмой темно-серой глыбой. Иногда на солнце “Русалочке” даже удавалось выглядеть симпатично, но сейчас небо окончательно заволочли тучи, и здание походило на гнилой зуб.

Катя сразу отправилась узнавать про комнаты.

Кузьма закурил. Все было не к добру, чуял он, хотя толком не мог соединить происходящие события в одну картину. Даже испортившаяся погода встала в один ряд с предательством Санька, приездом симпатичной журналистки, интервью, кавказцами, заполучившими его бизнес... Кузьма сплюнул под ноги. Начался дождь.

– Всё, мне дали ключи, – радостно объявила Катя. – Спасибо вам огромное!

– Да не за что.

– Можно я запишу ваш телефон?

– Телефон? А у меня и нету, – ответил Кузьма.

– Как нету? Вы без телефона?

– Ну да. Потерял после того, как Галина умерла. Моя жена. Умерла, пока я там служил.

– Как же я вас найду?! – Катя растерялась.

– Давай я тебе адрес дам. Не люблю я телефоны просто, – признался Кузьма.

– Почему?

Он подумал немного, силясь вспомнить, почему действительно.

– Да знаешь, был там один... – сказал он медленно. – Когда котел херсонский только готовились порывать, познакомились. Никитка, кстати, тоже звали. Вроде не дурак. Но телефонистом, блин, оказался. Все ходил, хвастался, что нашел трубку в доме у кого-то, – мол, хорошую, айфон... Прямо влюбился в нее, как в девушку. И паялился вечно, а как-то ночью, когда они перелезли по-тихому и стали горло резать ребятам... – Кузьма посмотрел прямо Кате в глаза, – тоже вот паялился. А их резали. И его.

Он перестал говорить и посмотрел уже мимо Кати, на смерть, увиденную тогда впервые в ее чистой слепой мощи. Тишина переполнилась ужасом, но потом Катя выдохнула, чуть встряхнула головой:

– Я вспомнила. У меня, кажется, есть запасная трубочка. Простая, кнопочная. – Она хотела вновь улыбнуться, но не смогла. Полезла в сумку. – Ага, вот. Давайте вы ее возьмете? Только чтоб со мной быть на связи?

– Ну ладно, только забрать не забудь, когда домой поедешь, – опять сказал Кузьма обычным голосом.

– Хорошо! Включите и мне позвоните, когда зарядится, ладно? Там мой номер есть. Называется “Я работа-2”, хорошо? Или я сама вам позвоню. Главное зарядить.

– Заряджу... Иди, а то замерзнешь.

Он невольно опустил взгляд на ее упругую грудь, выпирающую под тонкой кофтой, и гладкий животик с сережкой в пупке, не прикрытый одеждой.

– Сейчас гроза будет, – добавил он, покраснев.

– Я поняла, – Катя чуть заметно улыбнулась. – Ладно. Позвоните тогда.

Они уже попрощались, но стоило Кузьме снова закурить, зайдя под козырек гостиничного подъезда, как Катя вернулась.

– Все-таки скажите, пожалуйста, свой адрес.

– Ну, называется улица Лазоревая, дом у меня на отшибе как бы, номер десять присвоен, самый ближний к морю. Но ты просто скажи любому таксисту в поселке, что дом Кузьмы нужен, и он довезет. Меня тут все знают. Только к черным не садись. Поищи лучше нашего, Петьку, он тут таксует.

– Хорошо, – Катя широко улыбнулась, – поищу Петьку.

– Петька тоже там был, не военный, просто водителем, – объяснил Кузьма. – Сюда уехал заново жизнь начать, ихний дом сгорел в Одессе.

На том они окончательно расстались, хотя он надеялся все время, пока переждал грозу, что Катя еще раз выйдет. Когда дождь ослаб и гром ушел за Пшадский перевал, отделявший Край от остального мира, ветеран и пес зашагали вниз по улице, прочь от центра. В рыбацком домике уже сидели Никита и Павел. Увидев их, Кузьма приободрился и снова почувствовал себя в правильном месте.

– Привет! – сказал он бодро.

– Привет, Кузьма, а у нас крыша течет.

– Непорядок. Надо заделать.

– Это точно, – лениво отозвался Никита.

– Играешь всё. А я тебе, между прочим, невесту нашел.

– Да? – Никита отвлекся от телефона и посмотрел на него мутными глазами.

– Напился, что ли?

– А почему бы мне не выпить? Имею право, я на пенсии! – Никита помахал протезом.

– Я тебя в правах не ущемляю, но напиваться ты можешь и в другом месте. Полезным чем-нибудь пора заняться.

– Это чем? Что ты придумал? – спросил Павел.

– Пока не знаю, но уже чувствую. Оно здесь, – Кузьма ткнул себя пальцем в висок. – Постепенно оформляется. Так что там с Саньком?

– Вот, – Павел выложил на стол несколько пачек денег.

Никита присвистнул. Протезированными пальцами он выудил из кармана сигарету и закурил, едкий дым наполнил комнату, пока Кузьма пересчитывал тысячерублевые купюры. Сбившись несколько раз, он бросил купюры на место.

– Ладно, – сказал он, – этого, конечно, не хватит, но если мы добавим своих немного, то уже будет лучше.

– Добавим? На что это? – спросил Никита. – Может, поделим? Мне бы не помешали.

– У тебя и так денег достаточно, – отрезал Кузьма. – Зачем тебе? Солить? Или спать на них будешь? Чего тебе не хватает-то вечно?

– Как чего? Всегда есть к чему стремиться. Можно столько всего купить – были бы бабки!

– Ты бы лучше курить бросил, вот тебе и экономия вышла бы.

– Зачем это? Разве вы все бросили?

Кузьма и Паша переглянулись.

– Это неприлично – курить в помещении, – заметил Павел.

– Ты мента не включай, – миролюбиво, но твердо ответил Никита. – У меня уже есть один папаня – тут, в Геленджике. Надоест – поеду к нему, уж он меня лечить точно не будет. А я делаю что захочу. И срать мне на всех!

– Даже на нас?

– Ну ладно, ладно! – Никита потушил сигарету о подошву. – Довольны?

– В общем, дождемся остальных, – объявил Кузьма, – и решим, по сколько скинемся.

Надо закупиться оружием и амуницией.

– Опа! А вот это мне уже нравится! – Никита хлопнул в ладоши, но обычного хлопка, конечно, не получилось.

– Это зачем? – спросил Павел.

– Что-то мне Край больше не кажется безопасным, – ответил Кузьма. – Я шерстью чую, что придет день, и нам надо будет защищаться. Черти, я поглядел, все палатки прибрали, жильем торгуют – раньше такого не было. Несправедливо все это...

– Ты это сегодня понял?

– Ну, не только сегодня. Я понял, что на гражданских надежды нет. Посмотри на Санька – ссучился. Посмотри, сколько черных по поселку. Думаешь, у них проблемы с оружием? Если что, они нас вмиг порешат! В общем, я предлагаю купить винтовок, пистолетов, гранат бы еще. И смотреть в оба.

– Что-то мне это напоминает, – после паузы сказал Павел.

– Что?

– Начало ополчения в Одессе.

Позже пришли Петр и Егор. Кузьма рассказал им о своей идее. Никто не согласился, но и спорить не стали. Все ощущали яркую, беспокойную мощь ветерана, и его сила казалась убедительнее правды. А главное, никто не хотел возражать и остаться в меньшинстве и тем более в одиночестве. Добывать оружие взялся Никита.

Уже начинало смеркаться, поэтому занялись починкой крыши. Кузьма устал и решил не идти домой ночевать. Павел остался с ним в хижине. Борька сторожил на крыльце.

– Скажи, – спросил Павел, когда темнота поглотила домик, – ты точно сможешь этим управлять?

– А чего бы мне не смочь? – удивился Кузьма. – На фронте как-то управился четыре года, и тут управлюсь.

– Я о другом. Мы тогда тоже вооружились, защищаться собрались. А получилось – сам знаешь что. Война на четыре года: котел, осада, вокзал этот... Теперь руины вместо города.

– Да нет. Я не для того. Мне кровь не нужна. Просто я сегодня вел эту девочку и не ощущал себя в безопасности. Разве ты не понимаешь?

– Я тут чужой. Поселок же не мой.

– Вот именно. Мне тоже тут не по себе, хотя поселок мой! Нет, Паш, я тебя ни во что не втягиваю, ничего не заставляю.

– Да я не говорю, что ты тянешь. Спрашиваю, удержишь ли ты это. Вот с Саньком – что ты будешь с ним делать?

Кузьма задумался.

– Не знаю. Я пока только злость чувствую. Но Санек хороший мужик, хоть и ссучился. Пусть живет как хочет. Присматривай за ним.

Они замолчали, но оба еще долго не спали. Близкий шум моря был мирным, гроза давно ушла за холмы. Но в эту ночь каждая разбивающаяся о берег волна усиливала тревогу, словно та была музыкой, а волны – струнами, которые снова и снова, бесконечное число раз, повторяли мелодию.

Глава восьмая

Когда Стрельцова начинали поглощать кошмары, когда он начинал чувствовать, что вот-вот рот его взорвет крик, а из глаз брызнут ярость и слезы бессилия – от невозможности спасти, невозможности убить, – с периферии сна на выручку приходил голос Марины, убаюкивающий, ласковый, похожий на прибой мирного моря. Она словно обнимала его, оказывалась всюду и убеждала: “Артем, не бойся, не бойся, мой милый, маленький, Артем”. И кошмар, не исчезая полностью, делался просто плохим сном.

Так было и этим утром. Затем Маринин голос распался в молочном свете восхода. Стрельцов проснулся отдохнувшим, огляделся, вспоминая, где он. Комнату заполнило раннее робкое тепло. Дом был совершенно тих, безмятежен был и двор. Выглянув в окно, Стрельцов увидел, что хотя восток заполняется светом, ночь развеяна не полностью, со стороны поля на участок тянутся лоскуты тумана, но холод быстро теряет силу над землей, и несколько следующих минут должны покончить с ним.

Он оделся, убрал вещи, вынутые накануне, обратно в дорожную сумку, заправил постель, стараясь придать комнате нетронутый вид, будто его здесь не было. Он решил не встречаться с Кузьмой, пока не выяснит больше про его новый отряд. На улице, под длинной тенью дома, он наспех сделал зарядку. Едва закончив, услышал звук приближающейся машины. Стрельцов перешел в сад, нашел место, откуда под укрытием смородиновых кустов можно было просморгнуть участок и часть дороги, залег на холодную траву.

Предчувствие не подвело его – приехал Кузьма с собакой и каким-то мужчиной. Заведя машину на участок, они вышли, закурили, стали разговаривать. Не было надежды услышать, о чем речь.

– Что же ты? Приехал к командиру и будешь прятаться? – усмехнулась Марина, лежавшая рядом.

– О чем они? Можешь подслушать?

– Нет, – подумав, ответила она, перевернулась на спину и смотрела в очищающееся небо сквозь ветви. – Слишком жарко, неохота идти. Но если хочешь, там сзади кое-что интересное.

Стрельцов аккуратно отполз вглубь теней, все еще владевших садом, аккуратно поднялся и, пригибаясь, прошел пару десятков шагов. На маленькой поляне между вишнями, грушевым деревом и старой айвой он увидел спящую в спальнике парочку.

– Похоже, кое-кто заигрался вчера, – шепнула Марина.

Максим очнулся и посмотрел на Стрельцова. Постепенно в его глазах выкристаллизовалась угрюмая злая угроза. Потом проснулась и Полина. Она словно не сразу сообразила, где находится, но когда увидела, кто смотрит на них, то издала сдавленный стон.

– Это папин гость, – прошептала она.

Максим вылез и встал в полный рост. Спал он в простых домашних штанах и майке, и теперь по его телу ходил озноб. Стрельцов с любопытством изучил фигуру парня, опустил глаза на девочку, потом сказал:

– Доброе утро.

Максим сделал несколько тяжелых шагов и остановился, закрывая собой Полину. Та выбралась, накинула куртку и осталась стоять на спальнике, босая, как и ее возлюбленный.

– Пожалуйста, не говорите папе, – чуть слышно пролепетала она из-за спины Максима.

– Полина, дай я сам.

– Это его сослуживец... – чуть слышно прошептала Полина, и глаза Максима пропитала ярость.

– Что ты “сам”? – спросил Стрельцов, делая вид, что не замечает боевой настрой парня.

Он разглядывал его жилистое тело. Ноздри Максима начали раздуваться, маленькие глаза почти потонули под выгоревшими бровями, кулаки сжались.

– Хочешь на меня напасть? – Стрельцов улыбнулся. – А потом?

Молчание.

– А потом? Убьешь? Спрячешь труп от Кузьмы? В его же саду?

– Максим! – Голос Полины задрожал.

– Подожди, Поля.

– Я вас вчера уже видел. Чего не вернулись в дом? – Они не отвечали. – Проспали? Что вообще происходит? Кузьма тебя невзлюбил?

– Он нам запрещает! – ответила Полина. Максим немного расслабился и посторонился. Стрельцов глядел на него с дружелюбной полуулыбкой, стараясь не выглядеть так, будто насмеяется. Он не верил, что мальчик сможет навредить ему, хотя и чувствовал в нем большой страх и решимость.

– Нельзя, чтобы он узнал, – продолжила Полина, надевая сандалии. – Он нас... он Максима убьет.

– Так и сказал?

– Он убьет Максима, а меня запрет или... я не знаю что! Не говорите ему, не говорите, пожалуйста!

– А почему вы здесь? Нас искать пошли? – спросил Максим.

– Пошел гулять. Кстати, Кузьма уже вернулся. Вы, ребята, проспали.

Стрельцов обернулся, пробуя увидеть за деревьями участок.

– Папа знает?..

– Не похоже. Стоял у машины, разговаривал. Может, еще не ходил в дом.

Полина облегченно выдохнула.

– Да, я ему не скажу, – сказал Стрельцов, делая вид, что обдумал свои слова, – но вы тоже должны держать рот на замочке, хорошо?

– В каком плане?

– Не говорите про меня.

– Почему? – Полина удивилась. – Вы же в гости приехали.

– И деду скажи, чтобы не говорил обо мне.

Максим перевел на девушку удивленный взгляд. Они молча переглянулись и пожали плечами.

– Что задумал? – спросил парень.

– Ты как добираться сюда? – пропустив мимо ушей вопрос, поинтересовался Стрельцов.

– На машине. Ставлю в поле, подальше от дома.

– Сейчас Полина пойдет домой, постарается вернуться тихонько, пока ее не заметил никто. А ты меня отвезешь в санаторий. У вас тут есть, знаешь?

– Знаю.

– Вот, отвезешь, и заодно поболтаем.

Парочка снова переглянулась недоуменно. Наконец Максим кивнул Полине. Она спешно обняла его, поцеловала и бесшумно побежала через сад.

– Осторожнее! – негромко прикрикнул ей вслед Стрельцов. Девушка остановилась, чтобы обернуться. – И про меня ни слова пока. А я ни слова про вас. И дедушке скажи.

– За дедушку не знаю, он болтун, – ответила Полина. – А помнит все плохо. Может, сам забудет про вас.

Стрельцову это не понравилось. Полина исчезла за деревьями.

– Поехали, – сказал он, повернувшись к Максиму. Его голос больше не излучал теплоты – с парнем можно было не церемониться.

Они вышли с дальней стороны сада и ушли глубоко в поле, где на узкой колее стояла машина. Медленно поехали в сторону предгорий, чтобы выйти на окружную дорогу и, обогнув Край, выехать с другой стороны поселка, где у основания мыса, в хвойном бору, стоял санаторий.

– Рискуешь, – заметил Стрельцов. – Если Кузьма тебе велел держаться подальше, лучше не злить его.

– Я разберусь, – угрюмо ответил Максим после долгого молчания.

– Правда? Не думаю. Но рискуешь ты не своей шкурой – вижу, ты непуганый. А Полиной. Максим повернулся, полоснул Стрельцова злым взглядом.

– А ты похож... понятно, что он невлюбил тебя.

– Похож на кого? Что тебе понятно?

– На нас похож, – Стрельцов улыбнулся. – Но не был... там. Вот Кузьма и разозлился.

– Ты ничего не знаешь, – сказал Максим сквозь зубы. – И вообще, дядя, ты ни хрена не понимаешь. И Кузьма меня не знает. Ни о ней, ни обо мне вы не знаете.

– Да? Думаешь, первые вы, кто влюбился и кому родители запретили? – Стрельцов невольно улыбнулся, чем еще больше разозлил парня. – Ладно-ладно, не кипи. Я тебе не враг. Я ему не скажу.

– А что у тебя с ним? – остыв, спросил Макс. Они наконец выбрались с поля и поехали по трассе. – Зачем тебе прятаться?

– Я не прячусь, сюрприз хочу устроить.

Максим впервые слабо улыбнулся.

– Ну да... Странные вы люди.

Стрельцов не стал отвечать. Парень изредка косился на него, но он делал вид, что не замечает.

– Если нужна помощь, ты говори, – сказал Максим.

– Спасибо, все в полном порядке.

– Хорошо, – парень пожал плечами. – Но я не такой дурачок, как ты считаешь. Раз ты прячешься от собственного командира, или кто он там тебе...

– Не лезь не в свой вопрос, – твердо сказал Стрельцов, но примирительно улыбнулся. – Просто не лезь. Это между ним и мной. Я его давно не видел. Я должен... подготовиться.

– Тоже боишься, – предположил Максим. Стрельцов молчал: пустить его по ложному следу было разумнее, чем доказывать что-то. – Понятное дело. Он с приветом приехал. Только меня увидел, сразу набычивать стал. “Чей?”, “Откуда?” – Он неумело передразнивал низкий голос Кузьмы. – Тоже мне начальник... Но был такой момент, – добавил Максим, помолчав с минуту, – когда он так посмотрел, что я прям это... – Он глянул на Стрельцова в поисках поддержки, тот постарался изобразить сочувствие. – Я хоть и не это... не из боязливых и драться умею, но я понял...

Максим не договорил, но и без того имя Кузьмы смогло наполнить машину вязким предчувствием смерти. Стрельцов слабо кивнул, улыбаясь уголками рта.

– Что с ним там произошло?

– То же, что и со всеми. Война.

– Да вроде там уже тихо пару лет, разве нет?.. Так, почти приехали.

– Ты где живешь? – спросил Стрельцов.

– Раньше у них жил... даже вещи не забрал. Но, в общем, неважно, у меня и нет ничего. Есть дом в Кутаисе, но это далеко, не наезжусь к ней оттуда. Меня принял на работу пока один... за постой не плачу. Московский хрен какой-то.

– Хрен?

– Ну, не знаю, кто он. При деньгах. Думаю, может, педик даже. Хотя вроде жена есть. Приезжает туда-сюда, видел ее два раза. Тоже сучка. Но хоть молчит, а этот все время под нос бормочет чего-то, сам себя слушать любит.

– Ты с таким раздражением говоришь. Ну, так уходи, если тебя кто другой пустит.

Максим поморщился, но, вздохнув, признал:

– Да, нехорошо. Платит даже мне чуть. На бензин и на поесть... Но все равно. Что-то в нем противное, хочешь не верь.

Максим окончательно *смутился* и замолчал, уставившись на дорогу. За поворотом появился санаторий. Это был длинный трехэтажный корпус, ветхий на вид, потемневший почти до черноты, утопленный с трех сторон в густой зелени, столь плотной, что в панорамные окна стучали сосновые ветви. Со стороны подъезда для машин пространство было щедро залито асфальтом, но и там из трещин пробивалась трава. Максим подвез пассажира к самым ступеням.

– Что делает тут этот твой москвич? – спросил напоследок Стрельцов.

– Да рисует он. Художник.

– А что рисует?

– Честно сказать? Херню какую-то! – Максим вдруг засмеялся, высвободив, видимо, то, что давно сидело у него в голове. Засмеялся и Стрельцов.

– Ладно, бывай. И обо мне никому ни слова. Я тут пока разведываю.

– Понял, понял. Если что, обращайся, – Максим оставил свой телефон и уехал.

Стрельцов заселился и получил комнату на первом этаже в дальнем углу здания, куда пройти можно было и через центральный вход, и через пожарный. Он с удовлетворением отметил, что санаторий пустовал, – почти не было приезжих и персонала. За полчаса прогулки по этажам он насчитал всего троих гостей и уборщицу, меланхолично водившую пылесосом по одному и тому же месту на красном ковре.

Марина не появлялась, и Стрельцов, чувствующий прилив сил и бодрости, решил дойти пешком до самого Края. По карте отсюда было около трех километров. Приняв душ, он отправился в путь.

Наступило позднее утро, воздух пропитался жаром и пах смолистой хвоей. Вскоре дома стали кучнее, и Стрельцов свернул в первый попавшийся магазин, купил еды и позавтракал на обочине, в тени расцветающих деревьев, под отдаленный шум волн и птичий щебет. Подкрепившись, он шел еще минут десять и очутился на улице Мира, тянувшейся вдоль пляжа. Про нее он много раз слышал от командира-Кузьмы: в центральной части она превращается в парадную набережную поселка.

– Здесь что-то происходит, – Марина нагнала его, ее дыхание было тяжелым, будто она долго шла или бежала.

– Что это с тобой? – улыбаясь, спросил Стрельцов.

– Зря смеешься. Тут опасно, сверни куда-нибудь.

Вокруг было почти безлюдно. Стрельцов остановился и посмотрел на нее недоверчиво. Одета она была так, словно схватила первое, что нашла в его сумке, и сразу помчалась сюда.

– Ну хорошо. – Он свернул на узкую улочку, здесь уже точно никого не было. – Что происходит?

– В плохое место ты нас вытащил, разве не видишь? Тут опять война.

– Война? Ты, Марина, точно проснулась? Может, еще спишь и тебе снится?

– А может, это ты спишь?

– В смысле?

– Ну, может, это тебя убили на допросе? Может, это твой мертвый мозг перед тем, как умереть, произвел последнюю фантазию, и она о том, как ты приехал в Край? Или даже только о том, как ты проснулся сегодня и пришел сюда? Ты не думаешь, что этого всего давно нет и ты умер там вместе со мной или вместо меня? Может, я жива и не оплакиваю тебя? Может, это ты таскаешься за мной призраком, а не я?!

– Марина, прекрати! – Стрельцов зажмурился. Несколько секунд боль пульсировала в висках. Потом он пришел в себя, но девушки уже не было.

Стрельцов пошел дальше по набережной, но хорошего настроения как не бывало. Ему требовалось что-то, целиком подтверждающее, что он жив и находится в сознании.

– Я ведь знаю, что это мои мысли, а не твои, – начал было объяснять он, но в этот момент его взгляд остановился на парне, который сидел за столиком с девушкой и что-то оживленно рассказывал. Девушка была красивая и ухоженная – острый глаз Стрельцова не подводил в таких вопросах, – но ее собеседник был куда интереснее. Вместо руки у него был биомеханический протез, Стрельцов видел такие в Москве, в центрах реабилитации. Высокотехнологичная штука.

Он перешел улицу и приблизился к кафе. Парочка сидела на открытой летней веранде. Парень говорил, а девушка слушала с полуоткрытым ртом, глаза ее выражали скорее ужас, чем интерес. Стрельцов постеснялся перебивать и решил сесть за соседний столик и подождать.

Он косился на них, но его не замечали. Не обратили внимания на посетителя и официанты. Потом он услышал обрывки рассказа и все понял:

– ...а в том месте нас простреливали как на ладони. Ну, я и вызвался их загасить... Пополз я, значит, по той канализационной трубе и застрял. Пять часов не мог выбраться, уже думал, всё, в говне сдохну. Но вылез. Живее всех живых, видишь? А потом добрался до их позиции и закидал зажигательными. Ох они орали!.. – Он зажмурился.

Стрельцов подумал: парень рассказывает о том, что делал совсем другой человек – солдат, у которого была задача и средства к ее исполнению, и для него непосредственно “убийства” не существовало.

– Ох орали!.. Не по себе мне стало, но куда деваться, понимаешь? – Парень посмотрел на девушку, но взгляд его, хотя и зачерпнул по дороге ее красоты, не остановился на ней. Он смотрел дальше, в прошлое. – Один выбежал на меня, здоровый такой, его только чуть огнем прихватило, я его пропустил, решил дать шанс. Может, он и выжил. А остальные там и сгорели, уж это точно. А наши поднялись, заняли этот чертов дом и оттуда смогли прорваться к вокзалу. В какой-то там по счету раз. Хорошо, вертушка прикрыла. Это, конечно, сильно выручило Кузьму, потому что к тому времени они там вторую неделю без подкреплений, без пополнений... Если бы укры окопались на другой части вокзала, у Кузьмы бы не хватило людей. Тогда бы всё, город, считай, мы не держим, понимаешь? Нас бы обратно в порт откинули. – Парень вернулся к ней и улыбнулся иным, живым лицом. В его взгляд вернулось обычное мужское желание, оно было менее страшным.

Девушка с трудом кивнула. Было видно, что она растеряна и не знает, отвечать ли. Стрельцов, с одной стороны, посочувствовал ей, с другой – усмехнулся. По диктофону он догадался, что девчонка решила взять у ветерана интервью, а у того оказался длинный язык. Ну что ж, следует быть готовой. Наконец-то подошел официант и нехотя спросил, будет ли он делать заказ. Стрельцов попросил кофе. Когда официант ушел, парень уже, видимо, отвечал на следующий вопрос.

– Я Кузьму тогда не знал. Я до вокзала не дошел, в ногу ранили, а когда оклемался – уже другая задача была. Ну, то есть, его позывной я знал, и ребят его знал и видел, но непосредственно не общались. И вообще, у меня своя задача была. Я в разведку обычно ходил. Я юркий, видишь?

Он действительно был тощий и, вполне вероятно, юркий.

– В общем, меня ценили за другое. Короче, нет, мы там не пересеклись и под его командованием я тогда не был. Но мы делали общие задания, если ты об этом. Никто без припасов и подкреплений семь недель не продержался бы, даже он. Так что вокзал он удержал благодаря мне.

– Бой за Одесский вокзал, – упавшим голосом сказала журналистка, – считается переломной точкой одесской кампании. Именно после его захвата и удержания наступило временное перемирие. Как вы считаете, изменился бы ход боевых действий, если бы не удалось создать там плацдарм?

– Как я считаю? – Парень засмеялся. – А чего мне считать? Нам поручили взять, мы и взяли. Сама понимаешь, в основном мы всё и сделали. Местные бы хрен там что сделали. Некоторые профессиональные вояки из бывших укров тужились, и то... Слушай, я просто свое дело делал и зарабатывал, остальное мне малоинтересно.

– Но вы же понимаете...

– Давай уже на “ты”, Кать, – предложил парень, перегибаясь через стол и беря ее за руку. – И вообще, давай, может, сменим тему? Пойдем в сквер погуляем, я тебе мороженое куплю, а? Или на банане покатаемся?

– Мне надо... надо сбросить материал в компьютер и обработать! – Девушка поднялась, забрала диктофон и блокнот. – Поэтому извини. Давай не сегодня, это до вечера сидеть.

Она неуверенно улыбнулась. Парень тоже поднялся и почесал затылок пальцами протеза. Вид у него был недовольный.

– Я еще могу порассказать, если надо.

– На сегодня достаточно, – ответила Катя, закрывая грудь сумочкой, как щитом. Всем своим видом она давала понять, что мечтает убежать.

– Ладно, Катюх. Ты извини, если перегнул. Кузьма попросил тебе оказать “максимальное содействие”, понимаешь, вот я и...

– Понимаю, спасибо!

Он подошел к ней, попытался обнять и поцеловать в щеку, девушка отпрянула. Стрельцов с любопытством глядел на них, но в этот момент официант принес кофе, закрыв от него парочку, и спросил, хочет ли он заказать еды.

– Нет-нет, спасибо, вот, – Стрельцов кинул на стол две сотни и поднялся. За эти несколько секунд парень куда-то подевался, а девушка уже шла прочь от кафе.

Стрельцов поспешил за ней.

– Простите, – окликнул он, – простите! Пойдите, пожалуйста!

– А? Да? – девушка глядела затравленно.

– Извините, я случайно услышал часть вашего интервью с тем парнем.

– А, это, – она покраснела. – Да он так, болтает.

– Нет, вы не понимаете, я сам оттуда. Я слышал, вы говорили про Кузьму.

Девушка часто водила по волосам рукой и смотрела не вполне сфокусированным взглядом, но постепенно успокоилась и вдруг поглядела осмысленно, будто узнавая что-то в Стрельцове, и улыбнулась.

– Да, мы говорили про Кузьму, – признала она.

– Я служил там же, на той войне. Я приехал вчера, чтобы найти его. Можете мне рассказать немного о нем?

– Вот как, – Катя слабо улыбнулась.

– Я собираюсь с ним скоро встретиться, – Стрельцов поспешил улыбнуться в ответ. –

Кстати, меня зовут Артем.

– Очень приятно. Катя.

– Рад познакомиться.

– Пойдемте. Не хочу, чтобы он нас увидел.

Они свернули в проулок, ушли подальше от кафе. Внезапно Стрельцов почувствовал, что за ними кто-то наблюдает, но решил не подавать виду. Может быть, просто паранойя из-за слов Марины?..

– Хороший мальчик, – сказала тем временем Катя, убедившись, что вокруг никого нет, – но явно с приветом. Рассказывает с наслаждением практически, как убивал, сжигал, калечил... Надеюсь, вы не такой? Выглядите нормальным.

– Я нормальный, – улыбнулся Стрельцов. Про себя он добавил: “Иногда кажется, что я умер и мне все это снится, но в остальном я полностью нормальный”.

– Я не совсем делаю интервью. Я пишу книгу. Точнее, хотела написать... Книгу-диссертацию. Но это, оказывается, тяжелее, чем я думала. Эти люди...

– А что с ним не так? – осторожно спросил Стрельцов.

– Нет-нет, не подумайте. Я с уважением отношусь к вашей службе, к вашему... подвигу. Но этот Никита... Черт, я не ожидала такого! У него ведь явно проблемы. А Кузьма сказал, что это “его парень”. Что же думать?

– Это как? – Стрельцов изобразил удивление.

– Как я поняла, Кузьма тут собрал целый отряд. Никита сказал, они тут будут... наводить порядок. Так и сказал. Мол, кавказцы распоясались, и Кузьме это не нравится. Я заметила

вчера, когда только приехала, что он их недолюбливает. Ну, недолюбливает и ладно – мало ли. Но это не похоже на то, как обычно люди говорят... Они что-то собираются устроить.

Стрельцов удивленно посмотрел на нее.

– Вы же не затем приехали, чтобы к ним присоединиться? – испуганно спросила Катя.

– Нет-нет. Я просто хотел отдохнуть, тут же море, санаторий известный.

– А, да, санаторий, – растерянно кивнула Катя. – А я зачем-то в гостинице остановилась.

Стрельцову нравилось бродить глазами по ее худым плечам и ключицам, пока она впадала в задумчивость. Но когда она возвращалась и снова смотрела с осмысленным удивлением, как ребенок, он переставал глядеть на ее тело.

Катя смутилась и снова принялась поправлять волосы.

– Как тебе сам Кузьма?

– Интересный человек. Немного странный. Мне нужна еще хотя бы пара встреч, чтобы раскрыть его. Я вчера слишком резко оборвала интервью... Он мог обидеться. Но я почувствовала, что он начинает говорить какими-то лозунгами и мы уходим от событий.

– Не напугал тебя? Я тут слышал от одного человека, что он страшный.

– Мне показалось, он хочет позаботиться обо мне. Но этот Никита... напугал изрядно.

А ведь Кузьма хотел, чтобы он защищал меня.

– Защищал? От кого?

– Сама не знаю, – Катя раздраженно дернула головой. – Взбрело ему, что мне нужна защита. Я отказалась. Мне нужна только информация.

– Ты знаешь, что за голову таких людей, как Кузьма, назначена награда?

– Украми?

– Да.

Повисла пауза. Страх девушки был смешан со странным возбуждением. Может, ей нравится быть вовлеченной в насилие, подумал Стрельцов.

– Я не ожидала, что все они соберутся вместе и он станет их командиром.

– Сколько их?

– По-моему, пятеро. Но герой из них только Кузьма.

– На войне все герои, – поправил Стрельцов. – Даже такие, как я, кто контракт отрабатывал, хорошие деньги получал. Попробуй для начала вернуться живым. Ты туда ездила?

– Еще нет...

– Может, ты хотела написать книжку, не заезжая туда? – спросил он насмешливо.

– Я не...

Стрельцов поднял палец. Что-то живое шелохнулось в тени подъезда в конце переулка. В этот раз он был уверен. Чей-то взгляд все это время следил за ними.

– Надо уйти отсюда, – голос Стрельцова изменился, стал холодным и сосредоточенным. – Возможно, кто-то наблюдает за нами.

Он взял ее за руку и повел за собой. Она возразила было, но Стрельцов снова вычерпнул из прошлого грозный взгляд, не терпящий возражений, и вынудил ее последовать приказу молча. Они быстро шли вверх по переулку, Катя поминутно оборачивалась.

– Откуда ты знаешь? – спросила она.

Стрельцов промолчал. Чутье редко подводило его. Это был такой же инструмент на войне, как нож, или винтовка, или спирт, – как все, что вращается в солдата, чтобы сохранить жизнь и приспособить к исполнению задачи, тогда как лишнее отмирает очень быстро.

В переулке не было ни людей, ни машин. Солнце припекало, заливая ярким белым светом асфальт и кусок набережной далеко внизу. Природа и поселок выглядели безмятежными. Не играла музыка, не смеялись дети. Но Стрельцов был убежден, что тишина обманывает его и, прыгая зигзагами меж теней, их кто-то преследует. Он ощущал на своем лице взгляд. Чутье сотни раз за прошедшие два года спасало ему шкуру. Укры работают неплохо, и если в посе-

лок за ними приехал настоящий профессионал, то он умеет многое из того, что умеет и сам Стрельцов. Нельзя полагаться на авось.

– Пошли к тебе в гостиницу? – вдруг пришло Стрельцову в голову. Он остановился, обернулся к ней.

– Ну, я... – Катя немного покраснела. Видимо, все еще не поверила в угрозу и думает, будто это он заигрывает.

– Пойдем, не беспокойся! Это просто мера предосторожности.

Делая вид, что это игра, он слегка подтолкнул ее, и они быстро зашагали прочь. Близился полдень, тени стали меньше, но где-то прятался невидимый соглядатай. Стрельцов несколько раз вилял с улицы на улицу. То и дело он поворачивался к журналистке, улыбкой показывая, что все в порядке.

Налетел ветер, и в его порывах примчалась разозленная Марина. Она посмотрела на Катю с удивлением, переросшим в ревность.

– А я говорила, – вздохнула она. – Это была плохая идея! С самого начала.

– Не сейчас, Мариночка, не сейчас, – прошептал Стрельцов. Катя, торопившаяся поспеть за ним, пока не слышала, что он говорит. – Давай потом. Помоги нам оторваться.

– Это кто? Почему ты с ней таскаешься?

– Сначала оторвемся, потом будем выяснять. Она знает Кузьму.

– Ох уж этот Кузьма.

– Слушай, сейчас не до этого. Ты сможешь или нет?!

– Ты что-то сказал? – спросила журналистка испуганно.

– Нет.

– Кажется, ты с кем-то говорил.

– Нет-нет, просто думал вслух.

– Сюда! – воскликнула Марина, указывая на приоткрытую дверь старого трехэтажного дома, походившего на бывшую гостиницу.

Стрельцов не раздумывая свернул туда. От неожиданности Катя не сразу сориентировалась, и ему пришлось опять взять ее за руку и тянуть за собой, затем он лязгнул дверью.

– Наверх, – скомандовала Марина, которая уже поднялась на два пролета.

Лестница была совсем старой и крошилась под ногами. В здании, видимо, шел вялый ремонт, но ни одного рабочего не было видно. Лишь по небрежно наваленным в углу лестничной площадки стройматериалам становилось понятно, что здесь, бывает, совершаются работы.

На третьем этаже Марина выбрала единственную закрытую, но не запертую дверь и затащила их туда. В пустой комнате пол был завален хламом, а стены изрисованы граффити, помещение было погружено в полумрак, окна заколочены досками. Из коридора слабо тянуло краской.

Стрельцов закрыл дверь, приложил палец к губам. Катя попятилась в угол, вновь закрываясь сумочкой, и смотрела на него преданно и растерянно.

– Может, нам все показалось? – спросил Стрельцов у Марины. Она пожала плечами. Оба прильнули к двери и сосредоточились на тишине за ней.

Стрельцов закрыл глаза. Это место напоминало войну: многие дома в зоне боевых действий были такими же покинутыми. Изуродованными, испещренными осколками и пулями. Интересно, подумал он, слово “война” давно не подходило столь близко. Ее как бы и не было за пределами Одессы, ведь люди здесь живут лишь тем, чем кормят их новости...

– Стрел, не начинай, – шепнула Марина.

– Что?

– Не начинай философствовать! Сосредоточься!

Стрельцов не стал спорить. Вернуть концентрацию было и вправду непросто. В комнате было душно, морской воздух не поступал сюда. Он понял, что голова кружится, затылок пронизывала острая боль.

– Артем! – кричала Марина. – Ты должен собраться! Сейчас опасно, не время раскисать, слышишь!

Ее голос был таким близким и реальным – Стрельцов готов был поклясться, что если только протянет руку, то почувствует ее кожу, сможет взять за руку. Вдруг безумная надежда, как сквозняк, освежила его, и, собрав силы, он шагнул к ней, но свалился, когда попытался прикоснуться.

Он увидел, что Марина глядит на него с болью и сочувствием, но ничего не может сделать. Это было как в тот день. Что тогда было? Среда или воскресенье? Кого он обманывает? На войне не было дней, не было ночей – был счет. Тик-так – сердце бьется, можно жить. Тик-так, есть команда, и ее надо исполнить, больше ничего. Приказы чередовались, и важно было только их исполнение. Простые, лаконичные: “Убей”, “Следи”, “Наблюдай”, “Отступаем”. Но все же чаще прочих первый. Все хотели смерти, все пришли за смертью, чтобы полюбоваться на нее, потанцевать с ней!

Катя помогла ему подняться. Марины нигде не было.

– Сколько времени прошло? – спросил Стрельцов. – На сколько я отключился?

– Не знаю. Может, на секунду. Что с тобой? Неужели нам действительно надо было лезть сюда?

Он сел посреди кучи хлама и огляделся. Ему стало лучше, но легкое головокружение не проходило.

– Душно. Извини, что-то я... не в форме.

Он посмотрел на дверь, силясь увидеть Марининым всевидящим взором то, что творится по ту сторону. Но девушка больше не появлялась.

– Там тихо, – прошептал он наконец.

– Вроде того. Может, тебе показалось? – робко предположила Катя.

– Нет-нет, послушай... Награда назначена. Укры многих доставали. На фронте, в тылу, даже в России. Посидим еще.

Катя глядела недоверчиво, но любопытство играло в ее глазах, заряжая взгляд сладким возбуждением. Они просидели в молчании друг напротив друга минут десять. Ему нравилось разглядывать ее, а она делала вид, что не замечает.

– Может быть, оторвались. Пошли.

Стрельцов и Катя вышли на отбеленную солнцем улицу. Они здесь были как на ладони, но никто не смотрел. Прохожих не было, беспечно дремлющими казались домишки частного сектора, утопленные в сочной зелени.

– Безопасно, – выдохнул Стрельцов.

– Точно? – Катя слабо улыбнулась.

– Эй, я не шутки шучу. Надо быть настороже, ясно?

– Не шутки, – подтвердила она, но все еще улыбалась.

– Дурочке нравится, что ты приволок ей войну, прямо как под заказ, – с ненавистью прошипела Марина.

– Пошли, провожу тебя в гостиницу.

По пути он изучал поселок, людей: местных и приезжих. На центральной улице велись приготовления к Дню Победы. Перед входом в гостиницу они расстались. Стрельцов оставил ей свой номер телефона. Попросил не говорить Кузьме об их знакомстве, и она загадочно кивнула.

– Дура, – сказала Марина ей вслед.

Стрельцов улыбался.

– А ты – ходишь по тонкому льду, – повернулась она к нему. – Либо делай дело, либо поехали отсюда.

– Нет, рано. Довольно на сегодня. Пошли, выпимся наконец.

Глава девятая

Спустя несколько дней, девятого мая, в Крае совершались торжества в честь праздника Победы. Несмотря на то что большое празднование приходилось на Геленджик, поселок чувствовал себя важной частью всероссийского ликования, и тем, кто остался в Крае, выдалось посмотреть праздничный концерт на набережной, принять участие в марше “Бессмертный полк”, отведать гречневой каши из полевой кухни, выпить за символическую плату “фронтвые” сто грамм. Вечером обещали салют.

Кузьма и его люди наблюдали за гуляниями отстраненно, но внимательно. Кузьма испытывал странное чувство, хотя не впервые он приезжал в поселок, чтобы послушать песни и поздравления государственных служащих, специально прибывших на отдаленный мыс. Единственный живущий в Крае ветеран справил столетие нынешней зимой, и никто, кроме близких родственников, не знал, будет ли он присутствовать.

– Придет, как думаешь? – спросил вполголоса Кузьма у Павла. Тот пожал плечами.

– Откуда мне знать. Он ваш, я и не знаю, кто он.

– Артиллерист, – со значением сообщил Кузьма. Под его рукой смиренно и торжественно сидел Борька.

Остальные Кузьму мало интересовали. Его взгляд слепо блуждал по радостным молодым лицам, наслаждающимся призрачным миром, который сохраняется благодаря незнанию, и он скорее испытывал раздражение, но оно не было злым – больше как к детям, не выучившим урок. Однако в праздник вполне можно было простить им желание не думать о дурном, не представлять себе настоящую боль, кровь и грязную фронтную работу. Дети иногда заглядывались на пятерых угрюмых мужчин, сгрудившихся на краю набережной, вдали от сцены. Они не надели формы, но все пришли в выглаженных рубашках, брюках, начищенных ботинках. К пиджаку Кузьмы была приколоты звезда. Солнце было горячим, но тусклым из-за дымки над поселком, и геройское золото мерцало слабо, никому не заметное, кроме его людей.

В середине дня, синхронно с остальной страной, в поселке прошел парад памяти: колонна из нескольких десятков жителей пронесла по расступившейся набережной портреты и флаги. Многие надели гимнастерки, некоторые были и в полной военной форме времен великой войны. С черно-белых или реже цветных фотокарточек на зрителей глядели люди, перенесшие первый бой с фашизмом, но некоторые пришли и просто с фото своих родственников прошлого-позапрошлого поколений. Кузьма наблюдал живое движение памяти по брусчатке, залитой современной музыкой, и тихий гнев давил его сердце. Он не мог описать, против кого направлено клокочущее чувство, – знал лишь, что это нечто темное, отвратительное человеческой природе, остановленное бессчетным множеством смертей. Ему было приятно, когда глаза давно минувших людей-героев коротко смотрели в его глаза. И он прощал мирным людям их почтительный карнавал, переполненный гордостью за предков и любовью, не прошедшей еще настоящего испытания.

В очередной песне сознание Кузьмы потонуло, вернувшись в дни решающей битвы за вокзал. Были недели, когда надежды уже не существовало, потому что огонь врага казался неостановимым, продвижение упрямого спецназа противника – неотвратимым. Отряд таял, вжатый в восточном вестибюле вокзала в пол, в искаленную стену, в крайний мраморный угол. Радист Алеша Степнов давно был порван взрывом, и ждать крупных подкреплений в любом случае не приходилось – иные, политические бои сдерживали их приход. Коридор до порта был перерезан, и никто не знал, стоят ли еще в том порту русские суда. Не было про-

изнесено слов, но по бывшему залу ожидания, утопленному в каменной крошке, в щепках скамей, перемолотых взрывами, в штукатурной пыли бродила невысказанная клятва укров: “Мы уничтожим вас”.

Изредка над окружностью выглаженной Привокзальной ударял одинокий выстрел, ему в ответ сыпались раздраженные очереди и минометный огонь: Стрельцов работал из укрытия по перебегающим площадь силам врага. Но большую часть суток снайпер молчал, вынужденный менять дислокацию и таиться, чтобы артиллерийский огонь не нашел его. Наверняка, думал тогда Кузьма, только Профессор и останется, чтобы рассказать о том, как все они погибли. И тем не менее, пока оставались патроны, пока жив был пулемет Семена, пока юркий Гал, отрядный доктор, ползал от одной кровоточащей медленной смерти к другой, Кузьма приказал сопротивляться.

Один яростный бой растянулся на семьдесят три дня. Вначале их отрезали от сообщения с портом, потом выбили из окружающих укреплений: вагонов поездов, подстанций, близлежащих построек – и, наконец, вдавили в вокзал, раскрошили минометами и танками три четверти здания. Последним натиском, уже ворвавшись внутрь, укры рассеивали их, отрезали друг от друга, потом принялись бить артиллерией по остову западного крыла, уничтожая половину оставшихся людей, а Кузьму и дюжину бойцов в зале ожидания маринуя перед финальной схваткой. В ней сходили в небытие черные, утомительные дни, похожие на ночи, плавилось пропахшее порохом, дымом и свинцом время, но, чудом или благодаря неистовому упорству, они держались, слышали крики подстреленных врагов, подкрававшихся слишком близко... Держались, то и дело переходя в рукопашную, и не спали, не спали, не спали, кажется, никогда.

Однажды сквозь черноту стало что-то просвечивать, и Кузьма, обрушившись на слабое, живое, – зарезал ножом совсем молодого мальчишку, исколол его с утробным стоном, как чучело, не осознавая вполне, мужчина ли под ним умирает, женщина или зверь, – хватало лишь сил понять, куда опускать нож. Трясущимися руками он перевернул тело, прикрываясь от очередной порции огня. Скользящая острая боль прошла ногу. Граната взорвалась неподалеку, и все кругом переполнил звон, и снова замельтешили неутомимые враги. Именно в этот последний час свет пришел ко тьме.

В пробитом потолке сияло дневное солнце, в заполненное дымом здание ворвался рокот вертолета, прикрывавшего подход подкрепления. Шум вертушки вытеснил звон от легкой контузии, вселил невероятную мысль, что они выживут. За ними действительно пришли, два с половиной месяца спустя (сорвались какие-то очередные переговоры в Кишиневе); подкрепления отбросили врага, дали передышку на сутки. А следующим днем они переломили украм хребет: был застрелен командир спецназа, упертые мерзавцы выбиты с путей, еще через двое суток от них очистили поезда, захватили здание “Макдоналдса”, откинув окружение на пятьдесят метров и, главное, восстановив заветный коридор до порта.

“Герой”, – холодно, как приговор, сообщил Кузьме командир батальона. Звезду выковал кровавый десятидневный бой. Из него живой выбралась горстка почерневших, израненных и изможденных людей, которые долго потом не верили, что остались в живых. На Кузьму еще много месяцев глядели так, словно он воротился с того света, пока почти все свидетели его выживания не погибли либо не уехали домой. Взяв новых людей в отряд, он пошел на следующий контракт.

А на набережной тогда и теперь играла музыка. Кузьма и его отряд следили внимательно: ветеран-артиллерист так и не вышел из дома и не приехал на мероприятия. Он остался участником всеобщего праздника лишь в речах чиновников. Поговаривали, будто в честь столетия ему под вечер вручила именные золотые часы лично глава администрации Края.

После салюта Кузьма позвал отряд за собой. У ресторанчика в северной части поселка за расставленными на улице столиками сидело полдюжины молодых кавказцев. Они шумно разговаривали и смеялись. Кузьма и его люди встали рядом и угрюмо молчали. Их появле-

ние постепенно высосало веселость из компании. В предлетнем вечернем тепле стала вязнуть тишина.

– Да, Кузьма. Ты чего? – спросил старший с улыбкой, встал, наклонил голову, как бы выражая почтение.

– Вот поинтересоваться пришел, – задумчиво ответил тот. – Кто вам разрешил ленточками сегодня торговать?

– Ленточками? – мужчина усмехнулся, обводя свою компанию глазами. Кое-кто стал подниматься, и тогда Никита шагнул вперед и посадил первого встающего обратно на стул. Тот вскочил, но Никита легко уклонился от удара и врезал протезом в челюсть. Ойкнув, мужчина уселся пятой точкой на землю. Повскакивали остальные, но драка пока не разразилась.

Старший из группы кавказцев еще пытался показать миролюбие, хотя по глазам было видно, что его распирает гнев. Злобно улыбался в ответ и Кузьма.

– Ты мне не придуривайся, – отчеканил он. – Я видел. Деньги брали за ленты. Хотя они бесплатные.

– Мы не...

– Охренели, черти?! – взорвался вдруг Кузьма, и вокруг повисла тишина. Только ветер шелестел в траве, не живой и потому не испуганный командиром. Каждый услышал в его голосе предвестие смерти.

Молчание продлилось долго, и первым его прервал Борька, зарывав на шелохнувшегося справа от Кузьмы мужчину. Тот что-то хотел достать из-за пазухи, и пес оцетинился, показал клыки. Кузьма смерил кавказца взглядом и оттолкнул, продолжив разговор со старшим.

– Вас кто звал сюда? Вы откуда повылазили? Кто у вас главный? – стал он задавать безответные вопросы, напирая, вынуждая пятиться вставших. Ветераны, хоть их и было меньше, взяли шестерых в кольцо. Из ресторана вышли еще трое, и теперь было девять против пятерых, но они чувствовали себя слабее.

– Кузьма Антонович, мы тоже тут живем, у нас документ есть, это наш ресторан, – миролюбиво стал объяснять кавказец, – зачем кричишь? Зачем вы бить нас пришли? Мы ничего не сделали. Если кто за деньги георгиевские ленточки продал, я с этим сам, лично разберусь и Юнусу сообщу.

– Юнус у вас главный? – уже спокойнее уточнил Кузьма.

– Юнус Абдуллаевич, да, он главный. Это его ресторан, он решит этот вопрос. Я скажу, чтобы он вам позвонил.

– Ты че перед ним прогибаешься, эй? – крикнул один из молодых, самый высокий.

Кузьма, не раздумывая, повернулся и наискось пробил в его нижнюю челюсть правым локтем с такой силой, что в тиши хрустнуло, голова неестественно вывернулась и огромный человек, не успевший ни закрыться, ни опомниться, рухнул как подрубленный. Из-под головы потекла кровь.

Пораженные быстротой и жестокостью, люди молчали, и только Борька залился неистовым лаем.

Лишь несколько секунд спустя затмение прошло и, будто запоздавшая вспышка молнии, началась драка, но не все кавказцы бились – некоторые стояли как вкопанные, а один, на которого пошел Кузьма, даже убежал. Борька бросился за ним, догнал, свалил на землю и долго в отдаленной тьме рвал одежду, мешая побегу, а потом вернулся к Кузьме на вырубку, и его глаза были исполнены преданной готовности.

Драка закончилась. На выглаженных рубашках, брюках, чистых еще поутру ботинках была кровь. Кузьма напоследок бросил:

– Вы через неделю все должны отсюда уехать. А ваш сраный ресторан закрывается, и все ваши палатки, поняли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.